

«Совершенно очаровательная книга, в которой
волшебство становится таким понятным».

*Мелинда Солсбери,
автор романа «Дочь пожирательницы грехов»*

ВСЕ НАШИ СКРЫТЫЕ ТАЛАНТЫ

КЭРОЛАЙН О'ДОНОХЬЮ

Young Adult. Запретная магия

Кэролайн О'Донохью

Все наши скрытые таланты

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

О’Донохью К.

Все наши скрытые таланты / К. О’Донохью — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Запретная магия)

ISBN 978-5-04-157426-0

Шестнадцатилетняя Мэйв Чэмберс знает, что значит быть изгоем. Младший ребенок в семье гениев, она учится в школе для отстающих. Однажды Мэйв наказывают и отправляют убираться в кладовке. Там девушка находит колоду карт Таро и приходит к неожиданному открытию. Оказывается, она обладает скрытым талантом, который позволяет понимать особый смысл каждой карты.

Мэйв становится очень популярной в школе: от желающих получить ответы на волнующие вопросы нет отбоя. Когда она гадает бывшей лучшей подруге Лили, то впервые вытаскивает незнакомую карту, а на следующий день Лили бесследно исчезает. Мэйв решает при помощи Таро отыскать подругу, но не подозревает, куда ее могут завести магические карты. «Все наши скрытые таланты» — первая часть дилогии о девушке, открывшей в себе талант гадать на картах Таро. Права проданы в 11 стран. Для фанатов «Ходячего замка», «Очень странных вещей» и «Леденящих душу приключений Сабрины».

«Совершенно очаровательная книга, в которой волшебство становится таким понятным». — Мелинда Солсбери, автор романа «Дочь пожирательницы грехов» «“Все наши скрытые таланты“ — это волшебный книжный сюрприз, идеальное сочетание искренности и восторга, непредсказуемости и чего-то родного». — Кори Энн Хайду, автор романа Ever Cursed О трендах современного янг-эдалта читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111-31(417)

ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-04-157426-0

© О'Донохью К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	7
2	12
3	20
4	28
5	38
6	43
7	48
8	51
9	57
10	61
11	66
12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кэролайн О'Донохью

Все наши скрытые таланты

© О. Перфильев, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

МОИМ БЛИЗКИМ, ЗА ТО, ЧТО ОНИ ТАКИЕ ИНТЕРЕСНЫЕ

*И ХАРРИ ХАРРИСУ, ЗА ТО, ЧТО ПЕРВЫМ ПРОБУДИЛ
ХОЗЯЙКУ*

1

Историю о том, как я начала гадать на картах Таро из «Душегубки», можно рассказать так, чтобы в ней подробно говорилось бы о том, как меня четыре раза оставляли после уроков, как три раза посылали записки родителям, поставили две плохих оценки за поведение, и как один раз я оказалась запертой в кладовой.

Я поведаю вам краткую версию.

Мисс Харрис наказала меня за то, что я швырнула ботинок в мистера Бернарда. И поделом ему – он назвал меня глупой, потому что я не выучила итальянские глаголы. На это я ответила, что все равно итальянский смешной язык для изучения и что нам было бы лучше изучать испанский, потому что на нем говорят больше людей во всем мире. Мистер Бернард сказал, что если я действительно думаю, будто смогу выучить испанский быстрее, чем итальянский, то глубоко ошибаюсь. И повернулся обратно к доске.

И я швырнула в него ботинок.

Ботинок даже не попал в него. Я особенно подчеркиваю этот факт. Он просто ударился о доску рядом с учителем. Но всем почему-то до этого нет дела, кроме меня. Будь у меня лучшая подруга – или хотя бы какая-нибудь подруга – возможно, она вступилась бы за меня. Сказала бы, что я просто пошутила и что я ни за что бы не подумала на самом деле ударять учителя. Объяснила бы, что со мной так бывает: раздражение и гнев накапливаются, накапливаются, а потом в самый неожиданный момент выплескиваются без всякого контроля с моей стороны.

Но такой подруги у меня нет, и я даже не уверена, что я заслужила подобных подруг.

Наказание мое начинается во вторник утром. Я захожу в кабинет мисс Харрис, и она отводит меня в подвал.

За четыре года моего пребывания в школе Святой Бернадетты канализационные трубы замерзли и лопались дважды, не говоря уже о ежегодном затоплении. В результате две крошечных классных комнаты покрылись зеленой плесенью, и воздух в них постоянно был влажный и затхлый. Учителя старались, насколько это возможно, не назначать там уроков, так что эти комнаты по большей части использовались для наказаний, экзаменов и хранения всякого хлама, который никто не удосужился выбросить.

И жемчужина подвала – длинная кладовка по прозвищу «Душегубка», при виде которой невольно вспоминалась комната пыток Транчбуль из «Матильды».

Остановившись у кладовки, мисс Харрис театрально взмахивает рукой и произносит:

– Та-дам!

– Вы хотите, чтобы я прибралась в Душегубке, – удивляюсь я. – Это негуманно.

– Более негуманно, чем бросаться в кого-то обувью, Мэйв? Не забудь отделить общие отходы от пластика, бумаги и всего, что можно переработать.

– Я не попала в него, – протестую я. – И нельзя заставлять меня здесь убираться. По крайней мере одной. Вдруг здесь дохлая крыса.

Мисс Харрис вручает мне рулон пакетов для мусора.

– Ну что ж, тогда она попадет в категорию «общие отходы».

И оставляет меня там. Одну. В жутковатом подвале.

Я не знаю, с чего начать. Я выхватываю одну вещь за другой, бормоча себе под нос, что вечно в этой школе вот так. Школа Святой Бернадетты отличается от нормальных школ. Долгое время это здание было большим викторианским особняком, пока где-то в 1960-х годах его не унаследовала сестра Ассумпта. Ну как «сестра», мы просто так ее называем, на самом деле она была послушницей, вроде Джули Эндрюс в «Звуках музыки», ушла из монастыря и основала школу для «благовоспитанных девочек». Возможно, это было неплохой идеей, когда «благовоспитанных девочек» во всем городе было не более дюжины. Но теперь нас более четырехсот,

вынужденных каким-то образом размещаться в этом все более ветшающем здании с продуваемыми пристройками и превращенными в кабинеты старыми спальнями на чердаке. Причем обучение здесь стоит просто неприлично дорого. И мне лучше не жаловаться на школу при родителях. Остальные четыре ребенка в нашей семье здесь не учились. Они были достаточно сообразительными, чтобы обойтись обычными бесплатными школами.

Стоимость обучения в Святой Бернадетте за семестр – около двух тысяч евро. Если эти деньги на что-то идут, то явно не на здравоохранение и безопасность. Я даже не могу сразу зайти в Душегубку из-за сваленных в кучу сломанных старых парт и стульев, перегораживающих вход. Всякий раз, как я вытаскиваю из кучи очередной предмет мебели, мне в нос ударяет очередная порция гнили и пыли. Сначала я стараюсь переносить каждый предмет по отдельности и складывать их в углу классной комнаты, но когда ножка стула отрывается и больно ударяет меня по ноге, я решаю, что с меня хватит аккуратности. Сбрасываю школьный джемпер и начинаю швырять обломки через всю комнату, словно метательница копья на Олимпийских играх. Через какое-то время мне это даже начинает нравиться.

Разобравшись с мебелью, я с удивлением осознаю, сколько же в Душегубке места. Мне всегда казалось, что это просто большой шкаф, но, похоже, когда-то ее использовали как кладовку для хранения съестных припасов. Здесь без труда могли бы разместиться три-четыре девочки. Полезная информация, кстати. Место для укрытия никогда лишним не бывает. Правда, здесь не хватает лампочки или какого-то другого источника света. Дверь настолько тяжелая, что мне приходится подпереть ее старым стулом, и даже тогда я работаю почти в полной темноте.

Оказывается, мебель была лишь началом. За ней скрывались кучи бумаг, журналов и старых учебников. Я нахожу экзаменационные билеты 1991 года, комиксы «Банти» 1980-х годов и пару выпусков журнала под названием «Джеки». Некоторое время я их перелистываю, пробегая глазами статьи про проблемы и странные иллюстрированные истории из десяти картинок, которые кажутся ужасно старомодными. Все они называются как-то вроде «Большой улов Милли!» или «Свидание с Судьбой!».

Я читаю «Свидание с Судьбой!». Оказывается, это кличка лошади.

Но по-настоящему интересное открытие ожидает меня у задней стены. Пара картонных коробок, покрытых толстым слоем белой пыли. Взяв верхнюю, я открываю ее и нахожу три плеера Sony Walkman, пачку сигарет Superkings, полупустую бутылку засохшего персикового шнапса и колоду карт.

Контрабанда. Скорее, все это когда-то было конфисковано и оставлено здесь на хранение.

Еще я нахожу заколку для волос с маленьким серебристым ангелочком, кажущуюся такой невинной и святой рядом с этим куревом и «бухлом». Я примериваю ее, но потом вспоминаю, что на ней могут быть яйца вшей, и выбрасываю в мусорную корзину. В одном из плееров обнаруживается кассета. Я присоединяю к нему наушники и нажимаю кнопку «Играть». Странно, но он до сих пор работает. Кассета начинает крутиться. *Не может быть!*

В голове начинает ритмично звучать неплохая медленная бас-партия. *Дум-дум-ди-дум-де-дум*. На этом фоне почти шепчет женский голос, вкрадчивый, похожий на детский. Она поет о знакомом ей мужчине, зубы которого белы как снег, что кажется довольно глупой строчкой. А какого цвета она ожидала от зубов?

Я продолжаю слушать, прикрепляя плеер к юбке. Большинство песен мне не знакомы, но все они выдержаны в духе гранжа с «грязным» звучанием. Песни, от которых буквально видишь плохо подведенные глаза. Не помню, когда я в последний раз слушала то, что не могла бы точно назвать. И я даже не уверена, хочется ли мне узнавать, что это. Кажется, что не знать – это даже отчасти круто. Я переслушиваю кассету снова и снова. Всего в ней одиннадцать песен, и все поют либо мужчины с очень высоким голосом, либо женщины с очень низким.

Я открываю плеер и разглядываю кассету, которая оказывается домашним сборником. Единственное украшение – белая полоска с надписью «ВЕСНА-1990».

Я пытаюсь поднять другую тяжелую коробку, но отсыревший картон рвется на дне, и ее содержимое высыпается на меня, едва не сбивая с ног. Наверное, что-то ударяет по двери, потому что стул, которым я ее подпирала, неожиданно падает, и дверь Душегубки захлопывается.

Я оказываюсь в полнейшей темноте, шарю в поисках дверной ручки и понимаю, что ее нет. Наверное, это все-таки была не кладовая. Просто очень большой шкаф.

В ушах у меня продолжает играть музыка. Теперь она кажется не такой уж веселой и бодрой. Скорее, жутковатой. Моррисси поет про ворота кладбища. Пока я колочу в дверь, ленту заедает, и певец словно икает на слове «ворота».

– ЭЙ, ЕСТЬ КТО ТАМ? – кричу я. – ЭЙ! Я тут ЗАСТРЯЛА. Я ЗАСТРЯЛА В ДУШЕГУБКЕ!

«... ворОтА кладбища, ворОтА кладбища, ворОтА кладбища, вратА...»

Кладовка, которая несколько минут назад казалась такой просторной, теперь кажется размером со спичечный коробок, который собираются поджечь. Раньше я даже не подозревала, что могу страдать от клаустрофобии, но чем больше на меня наваливается стена, тем больше я думаю о воздухе в помещении, который уже ощущается таким густым и затхлым, способным задушить меня живьем.

Я не заплачу, я не заплачу, я не заплачу.

Я так и не заплакала. Но со мной происходит кое-что похуже. К голове приливает кровь, и, несмотря на полную темноту, в глазах у меня расплываются лиловые пятна, и я чувствую, что вот-вот упаду в обморок. Я вытягиваю руку, чтобы ухватиться за что-то и удержаться на ногах, и мои пальцы нащупывают что-то прохладное, тяжелое и прямоугольное. Нечто, похожее на ошупь на бумагу.

Батарейка плеера начинает садиться. *«... ворОтА кладбища, ворОтА кладбища, ворО-ООтАААА клаааа...»*

И ничего. Молчание. Тишина, за исключением того, что я зову о помощи и колочу в дверь.

Дверь распахивается. Передо мной стоит мисс Харрис. Я едва не падаю на нее.

– Мэйв, – произносит она озабоченно.

Несмотря на панику, я с удовлетворением отмечаю встревоженность в ее взгляде. *Вот тебе, гадина.*

– Что случилось? Ты в порядке?

– Дверь захлопнулась, – выдавливаю я из себя. – Захлопнулась, и я не могла открыть, и...

– Присядь, – приказывает она.

Из своей сумки она выуживает бутылку воды, отвинчивает крышку и передает бутылку мне.

– Пей маленькими глотками. Дыши спокойнее. Не паникуй.

– Все нормально, – говорю я наконец. – Я просто испугалась. А что, уже обед?

На ее лице отображается настоящее волнение.

– Мэйв, уже четыре часа!

– Что?

– Ты хочешь сказать, что не обедала? Что все время сидела здесь?

– Ну да! Вы же сказали мне тут прибраться!

Она качает головой, словно я волшебный горшочек с кашей, который постоянно выплевывает кашу, пока не скажешь волшебное слово, чтобы он прекратил.

– А знаешь, – говорит она, заходя в кладовку (у меня на мгновение проскальзывает мысль – чтобы захлопнуть за ней дверь), – просто поразительно, чего можно достичь, если как следует постараться. Я и понятия не имела, что здесь столько места. Ты просто волшебница. Молодец.

– Спасибо, – слабо отвечаю я. – Я так и думала, что мое призвание – быть уборщицей.

– Ну хорошо, приведи себя в порядок в туалете и иди домой, – говорит она, и я понимаю, что представляю собой еще то зрелище.

Покрыта с ног до головы пылью, колготки порвались, форменная блузка вся в паутине.

– С тобой все точно хорошо?

– Ага, – отвечаю я, на этот раз слегка раздраженно.

– Увидимся завтра утром. Тогда и решим, что сделать с этой мебелью.

Она направляется к двери, придерживая рукой ремешок сумки на плече. Потом оборачивается, в последний раз осматривает меня и склоняет голову набок.

– Не знала, что ты увлекаешься картами Таро.

Я не имею ни малейшего представления, о чем она говорит. Потому перевожу взгляд вниз. В своих руках я сжимаю колоду карт.

2

Я разглядываю карты в автобусе по дороге домой. Не могу понять, какая в них система. На некоторых написаны названия, вроде «Солнце», «Отшельник» или «Шут», но у других есть числа и масти. Но не черви, трефы, пики и бубны, а жезлы в виде длинных коричневых дубинок; кубки, больше похожие на бокалы для вина; мечи – просто мечи, и пентакли, представляющие собой диски со звездочкой на них.

На большинстве карт нарисованы люди; краски яркие – красные, золотые и пурпурные. Каждый персонаж очень усердно занимается своим делом. Вот мужчина вырезает тарелку, и видно, что он *ну очень* старается. Никто еще в жизни так не старался, как этот парень. На карте изображена восьмерка пентаклей. Интересно, что это должно означать? *Сегодня вы будете вырезать тарелку?*

Конечно, я и раньше видела карты Таро. Иногда их показывают в фильмах. Гадалка вытягивает карты из колоды и произносит что-то невразумительное, а ты, зритель, сразу же понимаешь, что перед тобой мошенница. Иногда она говорит что-то конкретное, чтобы собеседник напрягся и слушал внимательно: «А что думает по этому поводу ваш муж *Стив?*» Или что-то в этом роде.

Я быстро перебираю карты, замечая, что каждая отмечена по системе, схожей с обычными картами. В каждой масти есть туз, двойка, тройка, четверка, пятерка и так далее до десятки. Есть и «придворные» карты: паж, рыцари, королевы и короли. Моей бывшей лучшей подруге Лили они бы понравились. Мы как-то придумали игру под названием «леди-рыцари», которая заключалась в основном в том, что мы воображали, будто скачем на лошадях в ее саду за домом, побеждаем драконов и спасаем принцев. Может, она до сих пор мысленно играет в «леди-рыцарей», но мы с ней больше не разговариваем.

Пока я думаю о Лили, мое внимание привлекает еще одна карта. Она кажется немного другой, отличающейся от остальных. Когда я до нее дотрагиваюсь, у меня начинает сосать под ложечкой. Взгляд на мгновение затуманивается, как будто я только что проснулась. Это что, лицо женщины? Я вглядываюсь в картинку, но доносящийся из задней части автобуса шум заставляет меня обернуться. Шумит группа мальчишек из школы Святого Антония. И почему мальчишки всегда такие невероятно шумные в автобусе? Они что-то передают друг другу и громко смеются. Но не обычным, добродушным смехом, а ехидным. Злым. Я замечаю, что в руках у них тоже карты.

А вот это уже странно. Неужели мальчишки из школы Святого Антония именно в этот день тоже нашли карты Таро?

Неожиданно один из них, Рори О'Каллахан, вскакивает с места и идет по проходу, хотя я знаю, что до его остановки – а заодно и моей – еще ехать и ехать.

– Привет, Мэйв! – говорит он, задерживаясь возле меня. – Не против, если?...

– Ладно, давай, – отвечаю я.

Сегодняшний день становится все более и более странным. Не успела я подумать о Лили, как рядом со мной уселся ее старший брат. Мы с Рори были знакомы с самых ранних лет, но никогда не дружили. Он кажется каким-то отстраненным, симпатичным, но далеким, словно комета, пролетевшая по небосводу моего детства.

Он садится, и я вижу, что лицо его полностью побагровело. Глаза блестят. Я не спрашиваю, что случилось. Другие мальчишки часто дразнят Рори. Его крупные и мягкие черты лица, его склонность к уединению всегда делали его чужаком в таких местах, вроде школы Святого Антония, где любой, кто не играет в футбол или в хоккей на траве, считается все равно что покойником. К тому же О'Каллаханы протестанты почти в исключительно католическом городе, что тоже не придает им популярности. При этом они вовсе не религиозны, как и все

вокруг. Просто их протестантизм придает им немного британского шарма. Такие качества, как вежливость, спокойствие. А для мальчишек это словно красная тряпка для быка.

– Рори! – кричит один из них. – Эй! Рори! Рориана! Рориана Гранде! Вернись!

Рори часто моргает крупными карими глазами, которые действительно немного смахивают на глаза Арианы Гранде, и поворачивается ко мне.

– Ну, как поживаешь?

– Нормально, – отвечаю я, перетасовывая карты.

Мне нравится ощущать прохладный картон пальцами. Очень приятно, особенно если ты из тех, кто не знает, что делать с руками.

Заметив карты, Рори бледнеет.

– Блин! И у тебя тоже они.

Я удивляюсь и поворачиваю карты лицом вверх, показывая ему картинки.

– Карты Таро?

В этот момент к нам сзади подбегает один из мальчишек.

– Эй, Рориана Гранде, а твоя подруга видела вот это?

Парень, имени которого я не знаю, сует мне под нос какие-то карты, и я сразу понимаю, в чем тут «прикол». Это мерзкие порнографические карты из тех, которыми тайком обмениваются старшекласники. Обнаженные девицы с огромными грудями и такими тесными стрингами, что кажется, будто они вот-вот прорежут их пополам. И на каждом лице фотокопия школьной фотографии Рори. Рори делает вид, что смотрит в окно, понимая, что его обидчики только и добиваются того, чтобы он выхватил карты или как-нибудь отреагировал.

Пожалуй, это самая неловкая ситуация, которая когда-либо происходила в килбегском автобусе.

– Погоди-ка, – произношу я задумчивым тоном, как будто размышляя над чьим-то сочинением, и смотрю на парня. – Значит, ты скопировал, вырезал и вставил фотографию Рори на целых пятьдесят две карты?

Он хохочет и машет рукой в сторону своих дружков, как бы говоря: «Вот потеха, правда?»

– Ого, значит, ты и вправду настолько *озабочен* им, – громко говорю я.

Парень тут же окидывает меня недовольным взглядом и возвращается на заднее сиденье. Мы с Рори сидим молча. Уголком глаза я отмечаю, что его ногти покрашены розовым. Не таким уж ярким, вызывающим цветом фуксии, а нежно-розовым, цвета балетных туфель. настолько близким к его естественному цвету кожи, что поначалу его даже не отличишь.

Выйдя на остановке, мы расходимся в разные стороны, едва обменявшись «пока».

Мой дом находится минутах в двадцати от автобусной остановки, но дорога к нему приятная, и в такие дни, как этот, мне даже нравится гулять. Я иду вдоль реки. Слева от меня плещутся серо-голубые воды Бега, справа протянулись каменные стены старого города. Сто лет назад Килбег был оживленным центром, потому что тут располагались верфи и торговый порт, один из самых важных во всей Ирландии. С тех пор тут осталось много старых рыночных площадей и загонов для скота. Есть даже питьевой фонтанчик, правда, уже несколько десятилетий не работающий, рядом с которым люди привязывали своих лошадей. В начальной школе я писала сочинение про бунты, которые происходили здесь во время Великого голода, когда землевладельцы вывозили зерно из страны, даже несмотря на то, что ирландцы голодали. И получила грамоту. Мою первую и, возможно, последнюю.

Снаружи наш дом кажется большим, но не тогда, когда подумаешь о том, что одно время в нем нас жило семеро. Да, *семеро*. Мама, отец, моя старшая сестра Эбби, два брата, Силлиан и Патрик, Джоан и я. Меня часто спрашивают, каково это – иметь столько братьев и сестер, но они не знают, что между мной и Эбби пятнадцать лет разницы, между мной и Силлианом – тринадцать, между мной и Патриком – десять, а между мной и Джо – семь. Это все равно, что иметь много родителей.

– Привет! – доносится голос Джо из кухни.

Она что-то печет. Сейчас это ее увлечение. Пару месяцев назад она рассталась со своей подругой и теперь живет с нами, пока не закончит магистратуру. Мне не хочется, чтобы они обратно сходились, хотя мама считает, что все к этому и идет. Дома так скучно, когда здесь только я, мама и отец.

– О, ты рано вернулась, – отзываюсь я, скидывая сумку в прихожей и проходя на кухню. – Что готовишь?

– Я сидела в библиотеке, но потом снаружи начали протестовать какие-то сумасшедшие христиане, так что я вернулась домой.

Она слизывает кусочек масла с пальцев.

– «Блонди» с фисташками и миндалем.

– О боже. И против чего они протестовали? И почему в твоей выпечке всегда столько соли?

– И вовсе нет, – говорит она, дробя орехи бутылкой из-под вина.

Она всегда сетует на недостаток настоящих кухонных инструментов в доме, но маме, у которой на руках, помимо карьеры, было пять детей, никогда не было до этого дела.

– Это *вкусное* печенье, а вовсе не соленое. И они протестовали против выставки Кейт О'Брайен. Будто бы налогоплательщики не должны оплачивать искусство, повествующее про ЛГБТ-людей. Как будто осталось какое-то другое хорошее искусство.

Смахнув орехи в ладонь, она пересыпает их в кружку.

– Ну, как твое наказание?

– Э... нормально.

– Ты извинилась перед мистером Бернардом, как я тебе советовала?

– Нет.

– Мэйв!

– Я *не* ударяла его!

– Дело не в этом. Ты должна извиниться, по крайней мере, за то, что все время ведешь себя так вызывающе и специально портишь ему уроки.

Ненавижу такие обвинения. «Ведешь себя вызывающе». Почему, когда ты хочешь просто посмеяться, люди всегда так охотно обвиняют тебя и называют «социопаткой»? Если девочка тихоня, они говорят: «Смотрите, какая спокойная. Вот это характер». Если она перфекционистка, то ее называют трудолюбивой. В этом они ни капли не сомневаются. Джо настолько психовала насчет школы, что перед выпускными экзаменами даже заработала себе псориаз, но все только восхищались ее целеустремленностью.

– И вообще, не понимаю, почему тебе так трудно даются языки, – продолжает она, посыпая орехами свою смесь для «блонди». – Ты же достаточно общительная и разговорчивая. Нужно просто запомнить правильные глаголы в нужных формах. Все же просто.

Просто? Вот так просто взять и запомнить?

Разве она не понимает, что это невозможно?

Ну да, кто-то запоминает. Все ученицы, с которыми я общаюсь, на последнем тесте по словарному запасу набрали по меньшей мере восемнадцать-девятнадцать баллов из двадцати, в то время как я едва одолела отметку в десять.

Перед тем как записать меня в школу Святой Бернадетты, мама отвела меня к специалисту, чтобы тот проверил, нет ли у меня дислексии. По-моему, все на это только и надеялись.

– Я знаю, у нее есть свои скрытые таланты, – говорила мама специалисту, пытаясь убедить в этом не столько его, сколько себя. – Она заговорила раньше всех из моих детей. Уже в одиннадцать месяцев. Полными предложениями.

Всем хотелось найти причины моего «отставания». Особенно мальчишкам, помешанным на науках. Каждый день они придумывали новую теорию, объясняющую, почему я так плохо

учусь. «Может, все дело в слухе? – предположил однажды Силлиан, приехав домой на выходные. – Может, она не слышит, что говорит учитель».

Единственное, почему он так сказал – это то, что он прекрасно понимал, что я слышу его из соседней комнаты.

У меня нет дислексии, я не слепая и не глухая. К сожалению для всех, я просто тупая.

Я облизываю палец и провожу им по поверхности стола, собирая фисташковые крошки и отправляя их в рот.

– Мэйв, фу! Прекрати! Не хватало еще, чтобы ты плевала в «блонди».

– А чего такого? Для кого они?

– Ни для кого. Боже, неужели должна быть причина, чтобы не плевать в «блонди»?

– Для Сарры, да? – подкалываю я ее. – Ты встречаешься с Саррой.

– Заткнись, – огрызается она, смахивая крошки в ладонь, высыпая их в миску и перемешивая тесто деревянной ложкой.

– Ага, встречаешься! – торжественно восклицаю я. – Ну что ж, я бы на твоём месте не надеялась, что она их оценит. Возможно, скажет, что обожает их, а потом изменит им с какими-нибудь «брауниз».

Джоан бросает ложку. Лицо ее багровеет. О боже, опять я ее довела. Иногда я забываю, что хотя мы все давным-давно знаем про измену, и для нас это никакая не новость, Джоан до сих пор продолжает остро переживать каждый день. И для нее это вовсе не шутка.

– Да ладно тебе, – говорю я.

Возможно, если я ее рассмешу, то мы обе посмеемся и оставим все воспоминания о Сарре позади, отбросив их, как бросают наудачу соль через плечо.

– «Брауниз» ужасны. Возможно, самое переоцененное печенье в мире. И самое распутное.

Джоан ничего не говорит. Просто перекладывает ложкой тесто на противень.

– Любишь «брауниз» – значит, ты, скорее всего, мудака, – пытаюсь я снова, наблюдая за тем, как она ставит противень в духовку.

– Ради всего святого, Мэйв, ты когда-нибудь заткнешься? – вдруг вопит она так яростно, что теряет контроль над собой и обжигает руку о край духовки.

Вскрикнув, она инстинктивно хватается за локоть, отпускает противень, и тесто разлетается по всему полу. Я хватаю бумажное полотенце и начинаю собирать с пола липкие желтоватые комки.

– Хватит! – кричит она, отталкивая меня. – Просто уходи. Уходи! Убирайся отсюда! Иди к себе в комнату.

– Я хочу помочь тебе, корова, – процеживаю я, уже ощущая предательскую влагу на глазах.

Боже, не плачь. Только не плачь. Нет ничего хуже, чем быть младшим ребенком в семье и плакать.

– И не приказывай мне, что делать. Ты мне не мать, так что отвянь.

Теперь всхлипывает Джоан. Иногда мне кажется, что она столько времени была младшим ребенком в семье, что стала даже чувствительнее меня. В конце концов ее лишили этого статуса, а я всячески пытаюсь забыть о нем.

Дверь в кухню распахивается, и на пороге появляется мама, держащая в руках собаку на поводке и уже окидывающая нас усталым взглядом. Собака врывается внутрь и набрасывается на тесто, пытаясь как можно больше заполнить им свою пасть, пока мама не начала истошно вопить про синдром раздраженного кишечника.

– ДЕРЖИТЕ ТУТУ! – кричит мама. – Мэйв, ОТТАЩИ ТУТУ! ТУТУ, ФУ, ПРЕКРАТИ! ПЛОХО, ТУТУ! Джоан, там есть сливочное масло? Я не собираюсь очищать дерьмо из-за пропущенных молочных продуктов! Вы вообще представляете, как оно воняет?

Мы запираем Туту снаружи, а потом прибираемся на кухне, пока Джоан в слезах объясняет, какая я сволочь.

– Поверить не могу, – огрызаюсь я. – Уже двадцать с лишним лет, а такая ябеда.

Потом я добавляю еще несколько обидных замечаний в ее адрес и в адрес Сарры, о чем тут же жалею, но так и не извиняюсь. Мы с Туту как изгнанники отправляемся в мою комнату.

На моем телефоне штук пятьдесят сообщений в WhatsApp, но все они от групп, в которых я состою. Нив Уолш и Мишель Брин несколько раз поинтересовались, что мисс Харрис заставила меня делать в качестве наказания.

«Чистила Душегубку» – пишу я в ответ.

Куча эмодзи.

«Вот сука», – пишет кто-то.

«Нашла много всякого», – печатаю я и отсылаю фотографию плеера Walkman с зажеванной кассетой.

Все они выражают удивление, но быстро переходят на какую-то другую тему. Нас в этой группе по меньшей мере четырнадцать, поэтому всем трудно сосредоточиться на чем-то одном. Не в первый раз за день я мечтаю о том, чтобы у меня была лучшая подруга, с которой можно было бы поболтать.

Когда-то у меня была такая подруга. Но с Лили давно покончено. Уже почти полтора года как.

Потом я вспоминаю про карты. Ярко-красного и лилового цвета, серьезные выражения лиц и странные символы. Я вынимаю их из сумки и принимаюсь перебирать их, раскладывая по порядку номеров.

1. ШУТ

Парень с собакой и флейтой. Выглядит даже немного круто, чем-то смахивает на длинноволосого принца Вэлианта.

2. МАГ

Мужчина за столом, смешивающий какие-то зелья.

3. ЖРИЦА

Женщина с луной над головой. Напоминает мисс Харрис, красивую и строгую.

Я вглядываюсь в каждую карту, надеясь, что во мне проснутся какие-нибудь способности к ясновидению, если я буду поддерживать пристальный зрительный контакт с изображенными на картах людьми. Ничего не происходит. Наконец, устав от собственного невежества, я открываю ноутбук и печатаю: «Как самостоятельно научиться Таро».

И не замечаю, как пролетает остаток вечера.

3

«Привет всем и добро пожаловать на мой канал. Я – Райя Сильвер из школы Сильверскин-Мэджик, и сегодня мы обучимся стандартному раскладу из трех карт».

Женщина в видеоролике на YouTube сидит, скрестив ноги, в плетеном кресле, на фоне невероятно эффектной эзотерической лавки в Новом Орлеане, которая также является ее семейным домом. У Райи два ребенка, собака, кошка и третий глаз.

За два часа она меня полностью очаровала.

Я узнала многое. Узнала, что карты с «номерами и лицами», вроде «Смерти», «Мага» или «Жрицы» – это как бы основные персонажи Таро, и они называются «старшими арканами». Остальные – это масти, как в обычных игральных картах, и они называются «младшими арканами». Кубки символизируют эмоции. Мечи – разум. Жезлы олицетворяют страсти. Пентакли – деньги.

«Мечи, кубки, жезлы, пентакли, – написано в электронном учебнике Райи. – Голова, сердце, чресла, ступни».

«Для начала разогрейтесь, как следует перетасовав колоду», – учит она, и карты легко слетают с ее пальцев, трепеща в воздухе словно шелковые ленты. Я пытаюсь подражать ее движениям, карты падают и рассыпаются по всей кровати. Я все еще стараюсь отточить свою технику тасования.

«Если же вы читаете карты для кого-то другого, пусть их перетасует этот человек. Карты – это живые создания со своим дыханием. Им нужно пропитаться энергией того, для кого вы делаете расклад. Затем попросите клиента разделить колоду на три части левой рукой и снова сложить их. Разверните карты веером, чтобы у него был большой выбор».

Я делаю, как она говорит.

«Теперь возьмите эти три карты. Они представляют собой прошедшее, настоящее и будущее».

Я тщательно выбираю три карты и переворачиваю их.

«Луна», «Колесница» и «Башня». «Луна» – это просто луна, большая и яркая, переливающаяся перламутром. «Колесница» – мужчина, стоящий на колеснице, запряженной двумя совершенно безумными на вид конями. Из всех карт тревожит меня лишь «Башня». Выглядит она ужасно. Средневекового вида башня, разломанная пополам, языки пламени лизжут камни. С нее падают два человека, и понятно, что гибели им не избежать. От нее у меня идут мурашки по спине. Но я доверяю Райе. Она говорит, что по-настоящему плохих карт не бывает, что во всем есть своя хорошая сторона, и я ей верю.

Поставив видео на паузу, я включаю Kindle, чтобы прочитать описание карт Райи Сильвер. Все ее интерпретации дружелюбны, длиной с обычное текстовое сообщение, написанные обычным языком, а не какой-нибудь магической заумью. Вот почему она мне так понравилась. Она похожа на подругу.

ЛУНА: Луна управляет нашими месячными, так что тут есть отчего побеситься. Эта карта олицетворяет нашу подсознательную энергию, возможно нечто, что вы подавляете. Помните, что любое зло рано или поздно всплывет на поверхность!

КОЛЕСНИЦА: Эй! Полегче! Ваша колесница свернет с пути или вы мчитесь настолько быстро, что всем остальным это напоминает хаос. Спросите себя, контролируете ли вы ситуацию, в которой оказались, или нет.

БАШНЯ: Да, я понимаю, выглядит пугающе. По-настоящему плохо. Но иногда старые здания необходимо снести, чтобы построить на их месте что-то новое.

Я снимаю видео с паузы, и Райя объясняет, как связать все три карты вместе. «Используйте свою интуицию, – произносит она с придыханием. – Пусть карты говорят друг с другом».

Я пристально смотрю на них и пытаюсь понять свои ощущения. Да, угрюмость и задумчивость «Луны» определенно напоминает мне мое настроение в последнее время. Весь прошедший год в школе был наполнен «энергией одиночества». Точнее, если честно, последние два года. Все как будто рассредоточилось по своим нишам, а я осталась в стороне, без лучшей подруги, без определенной группы, да и успеваемость хромает. Но далее следует «Колесница», на которой парень пытается сохранить крутую позу, тогда как два его коня едва ли не взбунтовались. Ну да, тоже похоже на меня.

«Сообщите правду о себе, – говорит Райя спокойным, расслабленным голосом, но ее шоколадно-карие глаза пристально глядят на камеру. – *Выскажите ее громко*».

– В настоящий момент я не очень несчастна, – говорю я вслух и, к моему удивлению, ощущая, как по щеке из глаза стекает горячая слезинка.

Я быстро смахиваю ее.

И я пытаюсь делать вид, что все в порядке, но это не так.

«Взгляните на свои страхи, – продолжает Райя Сильвер, как будто услышав меня. – Скажите, чего вы боитесь».

– Если я не найду своего места, то, возможно, произойдет что-то очень, очень плохое, – говорю я, но не успеваю как следует погоревать об этом, как меня зовет ужинать отец.

Спустившись, я вижу за столом его одного. Джо куда-то ушла – наверное, домой к Сарре – а мама проверяет экзаменационные работы в прежней комнате Эбби и ужинает тоже там.

– Слышал, что ты устроила Джоан веселую жизнь, – неодобрительно начинает отец, пододвигая мне тарелку с лазаньей.

– Ну, если это она так выразилась...

– Будь повежливей со своей сестрой. Ей и так сейчас нелегко.

– Я вежливая, – говорю я. – Я умею быть вежливой.

– Ты не просто вежливая, Мэйв. Ты хорошая. В тебе много доброты. Просто нужно показать это.

– А в чем разница?

Он треплет по загривку Туту, вставшего на задние лапы в ожидании подачи.

– Вежливые люди улыбнутся, выслушают тебя и скажут: «О нет, как ужасно!» в ответ на грустную историю. Хорошие люди что-то сделают.

Папа тоже был самым младшим ребенком в семье, поэтому он чаще остальных симпатизирует мне. Но он-то был гением в семье идиотов, тогда как я идиотка в семье гениев. А это не одно и то же.

Мы немного беседуем, и он спрашивает, стала ли я лучше учиться, и я вру, что да, стала.

– Как поживает Лили? – спрашивает он, отодвигая от себя тарелку. – Вы до сих пор общаетесь?

– Мы больше не подруги, папа, – быстро отвечаю я и достаю карты из кармана.

– А это еще что такое?

– Карты Таро. Хочешь, сделаю расклад для тебя?

– Не знаю. Расскажешь про всякие неприятности, ожидающие меня в будущем?

– Карты Таро не предсказывают будущее, – говорю я, подражая спокойной, менторской интонации Райи Сильвер. – Они только помогают проанализировать ваше настоящее.

– О господи. Ты что, попала в секту? Я слышал по радио, что в последнее время все больше молодежи попадают в секты, но не думал, что они заманят и тебя.

– Нет. Просто интересуюсь картами. Это часть истории, понимаешь. Ими пользовались в Италии в пятнадцатом веке.

– Значит, увлекаешься теперь историей и Италией? Пожалуй, такой культ мне нравится.

– Вот, – протягиваю я ему колоду. – Перетасуй их. Пропитай их своим соком.

– Моим чем?

– Энергией! Вдохни в них свою энергию! Карты сделаны из бумаги, папа. А бумагу делают из деревьев. Они разумны.

– Э-мм, ну ладно, – говорит он, явно сбитый с толку. – И когда ты раздобыла эти карты?

– Сегодня.

Я заставляю его перетасовать карты и разделить их на три части. Затем раскладываю их веером, как это делала Райя.

– Выбери три.

Он выбирает три карты. Десятка жезлов, двойка кубков, «Шут». Я изучаю их.

– Похоже, ты действительно посвящаешь всего себя работе, – говорю я, указывая на мужчину с вязанкой жезлов на спине. – И в процессе ты, возможно, забываешь о маме. Карты предлагают вам поехать куда-нибудь вместе на выходные или отправиться на какое-нибудь приключение – ну, как бы снова влюбиться друг в друга.

Лицо отца темнеет.

– Да ладно! Не могут они такого говорить!

– Могут!

– Это тебя мать подначила?

– Нет! – восклицаю я возбужденно. – А что? Я права?

– Боо-оо-оже! – Он взъерошивает свои жидкие волосы песочного цвета. – Ну, тогда, я думаю, мы улетаем в Лиссабон.

– Лиссабон?

– Твоя мать в последнее время только и твердит о том, чтобы слетать в Лиссабон. Сейчас как раз дешевые рейсы. И да, я работал как сумасшедший.

– Летите! – говорю я торжественно, радуясь тому, что оказалась права. – В Лиссабон!

– А кто будет следить за тем, чтобы ты каждое утро отправлялась в школу?

– Мне шестнадцать! Я и сама могу позаботиться о себе. К тому же здесь будет Джоан.

Он относит тарелки в раковину и споласкивает их.

– О боже, – повторяет он, все еще в изумлении. – Наверное, надо проверить сайт «Рай-анэйр».

Я снова перетасовываю карты, довольная своим успехом.

Прежде чем выйти, он поворачивается и говорит:

– Все же интересно, как ты запомнила значения этих карт за один вечер, а таблицу умножения запомнить не можешь.

– Пап! Я знаю таблицу умножения! Мне шестнадцать, а не восемь.

– Сколько будет шестнадцать на восемь?

– Миллион три.

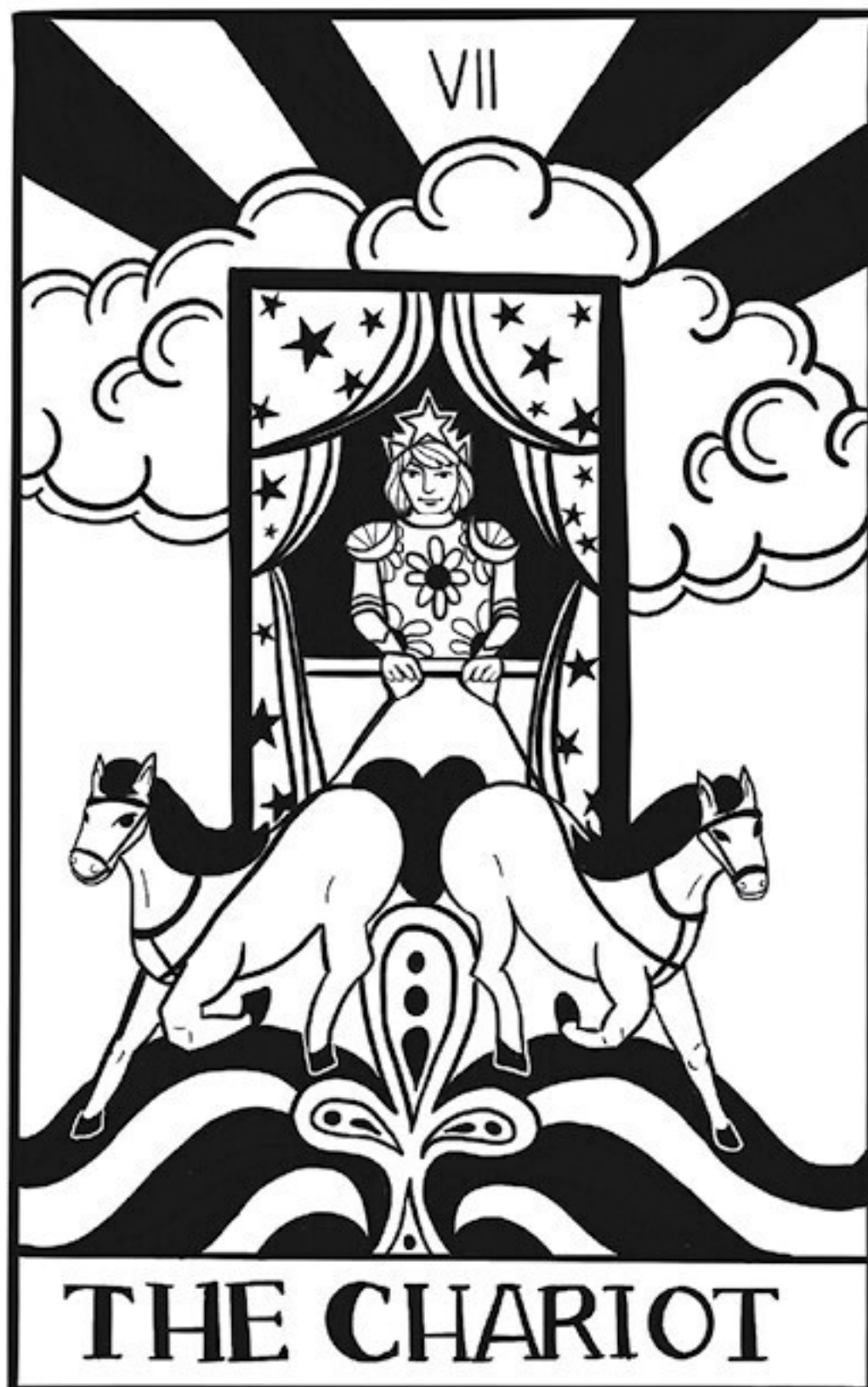
– Неправильно. Сто двадцать восемь.

– Вот, посмотри, – говорю я, вытаскивая из колоды карту. – Это «Смерть». Я бы на твоём месте поспешила заказать билеты.

Он уходит, и я остаюсь наедине со своими картами из Душегубки. Размышляя о том, что пусть он и пошутил с этой математикой, но все же действительно немного странно, что я так хорошо выучила значения карт за один вечер. Но это не похоже на обучение чему-то другому. Они не вылетают у меня из головы в ту же секунду, как я сбиваюсь с мысли, как это бывает со школьными предметами. Они застревают в памяти, как стихи песен. Как поэзия. Как чувства, которые я давно испытывала, но которые наконец-то научилась выражать.

4

На следующий день мисс Харрис заставляет меня почти весь обеденный перерыв заканчивать уборку Душегубки. Я особенно и не возражаю. Папа мне дал новые батарейки для плеера, поэтому я даже наслаждаюсь работой под «готическую» музыку 1990-х, и мне самой хочется видеть Душегубку чистой и аккуратно прибранной. Карты лежат в переднем кармашке моей школьной сумки, и я борюсь с соблазном поиграть с ними.

За пять минут до звонка мисс Харрис объявляет об успешном окончании работы и говорит, чтобы я поела что-нибудь в общем зале. После вчерашнего инцидента с дверью она явно боится, как бы со мной снова что-то не случилось по ее вине.

Большинство учениц отправились покупать еду в городе, но некоторые остались в школе, не желая разгуливать по февральскому холоду. Лили О'Каллахэн сидит в классе в стороне от всех с книгой, почти закрыв глаза темно-русой челкой. На ее висках видны красные пятна – угревая сыпь в тех местах, где жирные волосы касаются кожи. Как часто она сейчас моет голову? Сама по себе Лили не неряха; просто ей не нравится ее тело. Ей не хочется замечать его. Если бы можно было быть мозгом в бутылке, читать книги и рисовать, она была бы гораздо счастливее.

Когда я прохожу мимо, она поднимает голову и напряженно улыбается мне, поправляя слуховой аппарат. Я вижу группу знакомых мне девочек и быстро направляюсь к ним, прошмыгивая мимо Лили, не сказав ни слова.

Почему я так поступаю? Почему так ужасно веду себя с ней, несмотря на то, что мы так долго были вместе?

Я сажусь рядом с ними. У Мишель новая косметика того американского бренда, который явно приходится по душе всем шоу-трансвеститам, и все разговоры у нее только о ней. Цвета в точности такие же, как и в наборе, который можно приобрести за один евро в Urban Decay, о чем я тут же и заявляю, совершая ошибку. Все смеются, а Мишель сердится.

– Извини, – говорю я, посмотрев на ее покрасневшие уши.

Мишель рыжая, так что любая перемена в настроении заметна мгновенно. Некоторое время я сижу молча и просто слушаю их беседу. Но мне быстро это надоедает. Я начинаю ерзать, засовываю руки в карман школьного блейзера и нахожу там карты Таро. *Что?* Я была уверена, что оставила их в школьной сумке.

На моем лице, похоже, отображается удивление, потому что девочки замолкают и смотрят на меня.

– Ты чего? – спрашивает Мишель. – Смотришь так, как будто кто-то из нас испортил воздух.

– Ничего, – отвечаю я, стараясь придать своему лицу обычное выражение. – Хотите, я погадаю вам на картах Таро?

– На чем?

Я показываю ей и остальным карты.

– Да ты на самом деле не умеешь на них гадать, правда? – спрашивает Мишель.

– Немного умею, – отвечаю я. – Практиковалась прошлым вечером.

Мишель тасует карты и выбирает три. Королева жезлов, тройка кубков и туз пентаклей.

Как и вечером с папой, все сходится просто идеально. Как будто догадаться, о чем говорят карты, проще простого. Я тут же сочиняю для Мишель целую историю о том, как ее творческая страсть к косметике и любовь к подругам являются двойными движущими силами ее жизни и как они приведут ее к успеху.

Мишель заметно впечатлена.

– Ого, Мэйв. А ведь я только вчера вечером завела YouTube-канал, где буду говорить о косметике.

Все громко вздыхают, и я уже ощущаю, что тема карт Таро обещает быть очень популярной.

– Да ты что!

– Да! Посмотрите! Сейчас покажу!

Она достает телефон и открывает YouTube. И действительно: вот он, канал, с нулем подписчиков и серым кружком вместо фотографии, называется SweetShellFaces. Мишель сгорает от смущения, показывая нам его, и всячески пытается подчеркнуть странность карточного предсказания.

– Не волнуйся. Карты говорят, это хорошая идея.

– Правда?

– Точно. Посмотри на них!

Я объясняю, что королева жезлов говорит о творческом даре женщины, тройка кубков – о дружбе, а туз пентаклей о финансовом успехе.

С этого момента на всех переменах я только и делаю, что раскладываю Таро. Все считают, что это какая-то магия, что я экстрасенс, но как бы мне ни хотелось и самой верить в свой скрытый дар, я понимаю, что это не так. Просто нужно знать значения карт, и нужно хорошо знать этих девочек. Когда Беки Линч вытягивает тройку мечей, я понимаю, что боль этой карты относится к разводу ее родителей. Когда в раскладе для Нив всплывает карта «Смерть», все вскрикивают, но я знаю, что карта указывает на то, что недавно Нив пришлось расстаться с любимой лошастью, потому что ее семья переехала из дальнего захолустья в центр города.

– Джипси же не умрет, правда? – спрашивает она в слезах.

Все в классе приближаются к нам, заинтересованные разворачивающейся на их глазах драмой.

– Нет, – говорю я после долгой паузы, потому что общее настроение театральности передалось и мне. – Просто ты должна смириться с тем, что Джипси осталась в твоей прошлой жизни, а теперь начнется что-то новое.

За пару дней о том, что я гадаю на Таро, узнают все наши одноклассники в школе. Однажды, когда я направляюсь в туалет, передо мной возникает Фиона Баттерсфилд и просит сделать расклад ей.

– Привет! – говорит она. – Это ты та самая гадалка?

– Э-ээ... Фиона... – бормочу я в замешательстве.

Фиона Баттерсфилд меня немного пугает. У нас только один общий урок, но она своего рода знаменитость среди наших сверстниц. Она одна из тех учениц, что посещает театральный кружок по субботам, и при этом ей удастся делать это с достоинством. Причем она занимается там давно. Некоторые бывшие старшеклассницы уже поступили в колледж, но она до сих пор общается с ними и даже участвует в их пьесах.

– Тебя тоже зовут Фиона? – спрашивает она удивленно.

– Нет, это тебя зовут Фиона. Меня зовут Мейв.

– Я знаю, как меня зовут.

– Тебе что-то нужно или?...

– Я слышала, ты раскладываешь Таро.

– Э-мм... – снова запинаясь я, размышляя, могу я или нет читать расклады тех, кого не знаю. – Ты хочешь, чтобы я тебе тоже погадала?

Она кивает.

– Да, на карьеру.

– Понятно. Ну ладно, можешь как-нибудь подойти на обеденной перемене.

– Нет, – говорит она, скрешивая руки так, как будто я предложила ей стащить с себя трусы. – Ты не должна раскладывать карты на публике. Разве не знаешь? Чтение карт – это частное занятие.

– Похоже, ты и сама больше меня знаешь.

– Моя *тита* читала карты в Маниле, – говорит она и, заметив удивление в моем взгляде, поясняет: – Моя тетя.

– А, ну да. А почему бы тебе не попросить ее?

– Потому что она посоветует заняться мне чем-то скучным. Вроде стать юристом или врачом.

– Понятно.

Звенит звонок, а мне по-прежнему хочется в туалет. Я забегаю в одну из кабинок и сажусь. Фиона ждет снаружи.

– Так что, договорились?

– Да! – кричу я громко, понимая, что она слышит все, что я делаю. – В Душегубке, на большой перемене.

– Я тебе позолочу руку!

На мгновение мне кажется, что я неправильно ее расслышала.

– Что?!

– Я тебе заплачу.

Во время обеда мы с Фионой спускаемся в Душегубку. У меня до сих пор ключ, который мне дала мисс Харрис, и мы садимся, скрестив ноги на полу. В темноте, в свете фонариков на телефонах, наши лица выглядят призрачными, похожими на лица каких-нибудь вампиров или вурдалаков.

Перетасовывая карты, я невольно с любопытством разглядываю ее. Раньше я даже представить себе не могла, что мы будем вот так сидеть вместе. Она неплохая девочка, но какая-то отстраненная. Не могу сказать, что осуждаю ее. Ее мать филиппинка, а сама она, как одна из небольшого количества «небелых» учениц, привлекает какое-то наверняка не очень приятное внимание к себе. В прошлом году, когда мы вернулись с летних каникул, одна ученица попросила Фиону поддержать свою руку рядом с ее рукой, чтобы сравнить загар. Ее блестящие черные волосы часто хвалят, но почти всегда имея в виду, что это что-то неестественное. Как бы подразумевая: «Ну, это, наверное, потому, что ты ешь много рыбы».

Я передаю колоду Фионе, предлагая ей перетасовать и разделить карты. Она выбирает три из них. Пару секунд я ничего не говорю.

– Ты как... У тебя сейчас все нормально? – наконец спрашиваю я осторожно.

– В каком смысле?

– Карты говорят, что тебе, похоже, сейчас немного... печально.

– Я спрашивала тебя о своей карьере.

– Да, но...

Я взмахиваю рукой над картами. Пятерка кубков. Грусть, тревога, потеря. Тройка мечей. Сердечная рана. Девятка мечей. Беспокойство.

Губы ее дергаются. Насколько я помню, Фиона Баттерсфилд всегда выглядела бодрой и уверенной в себе. И как бы слишком возвышенной, чтобы снисходить до заурядных личностей.

– Похоже, тебя сейчас сильно беспокоит нечто, не связанное с твоей... э-мм, карьерой.

Она долго смотрит на карты, и у меня возникает чувство, что сейчас она передумает и уйдет.

– В общем, наверное, это по поводу одного парня, – наконец произносит она. – Старше меня.

– О, – говорю я, стараясь казаться уверенной. Типа как: «Ну да, конечно, у меня тоже полно знакомых парней старше меня».

– Ему двадцать.

– Ого.

– Мы познакомились в театре, – говорит она с некоторой торжественностью, которая меня почему-то немного раздражает.

Слово «театр» она произносит четко и по слогам: «те-а-тр».

– Он хочет, чтобы мы...

– Занялись сексом? – предполагаю я.

– Да, – отвечает она с облегчением.

– И вы...

– Я не знаю! – неожиданно взрывается она, нервно проводя рукой по волосам. – Но знаешь, мы же встречаемся уже три месяца. Вроде как бы и нормально.

– Ага, – тяну я, а про себя думаю: «Вот это уже не моя сфера».

Я же еще любительница-гадалка, а не профессиональный психотерапевт. Но я пытаюсь держаться на высоте.

– Ну, карты определенно кое-что хотят тебе сказать.

– Что именно?

Я беру девятку мечей.

– Это изображение женщины, плачущей в кровати при мысли о мужчине, который заставляет ее выяснять отношения.

Она смеется. Не поддельным легким смешком, а по-настоящему.

– Да ладно тебе. Не в самом же деле карта означает именно это.

– Просто скажи, что ты еще не готова.

Она надувает губы и снова глядит на карту.

– Честно говоря, я вряд ли когда-нибудь буду готова. Мне кажется, он меня не настолько уж и привлекает. Но он в театральной группе, и все они там старше...

Я на мгновение задумываюсь.

– Ну, ты можешь всегда сказать, что отношения отвлекают тебя от... от твоего призвания.

Она кивает, размышляя.

– Да, неплохая идея.

– Или ты можешь просто порвать с ним.

Она улыбается, глядя на пол.

– И это тоже неплохая идея.

В это мгновение раздается стук в дверь. Снаружи стоят две девочки-первогодки.

– Мы слышали, вы тут гадаете, – произносит более храбрая.

Не успеваю я ответить, как меня опережает Фиона:

– Два евро за десять минут.

И оборачивается с шаловливой улыбкой.

– Я позабочусь о заказах, если ты будешь обслуживать меня бесплатно. Идет?

– Идет, – неуверенно отвечаю я.

– Каждой звезде нужна своя гадалка.

Она пытается говорить это беззаботным тоном, но под внешней бравадой я различаю нечто, что могу уловить, только потому что сама такая. Фиона одинока. Каждой звезде нужна своя гадалка, а каждой девочке нужна подруга, с которой можно было бы поговорить по душам.

И так начинаются «Консультации Таро в Душегубке».

Тем же вечером я раскладываю карты на полу своей спальни. Я решаю проверить свои знания и удостовериться в том, что запомнила значения всех карт. Если мне предстоит устро-

ить из этого бизнес, то я не должна попадать в неловкие ситуации, независимо от того, какие карты выпадут. Я указываю на них по очереди и произношу вслух значение, как будто выкрикивая магические заклинания.

– Туз кубков, любовь и гармония! Двойка кубков, романтические отношения! Тройка кубков, дружба!

Почему мне это дается настолько легко?

Когда я перебрала каждую карту по меньшей мере раза три, происходит нечто странное. В колоде оказывается еще одна карта, прилипшая к карте «Мира», последней из старших арканов. В отличие от остальных карт на ней нет ни номера, ни указания масти. На ней изображена женщина с длинными черными волосами и с ножом во рту. Она облачена в длинное белое платье. По-моему, я где-то видела ее раньше. Я заметила ее краешком глаза в тот день, когда рядом со мной в автобусе сел Рори, но с тех пор она мне больше не попадалась.

Ее зубы обнажены в игривой, но злобной ухмылке. Рядом с ней стоит какая-то поджарая собака вроде гончей или борзой, опасливо прижимающаяся к ноге женщины. Под картинкой написано всего одно слово:

Д О М О Х О З Я Й К А

Я сверяюсь с электронным руководством в поисках «Домохозяйки», но ничего не нахожу. Я ищу в Google – тоже никаких результатов.

Чем дольше я всматриваюсь в нее, тем сильнее меня охватывает беспокойство. Да, это далеко не самая жуткая карта в колоде – на десятке мечей, например, изображен мужчина, из спины которого торчат десять мечей – но Домохозяйка определенно выбивается из их числа.

Живот у меня сжимается, под ложечкой сосет. Меня охватывает чувство непонятной вины – как будто бы ты обидела кого-то, но не знаешь как именно. Кончики пальцев горят и словно заполняются электричеством. Я вдруг начинаю остро ощущать свою кожу. Каждый оборванный заусенец, сухие уголки губ. Словно я состязаюсь с этой картой, веду с ней борьбу, заранее обреченная на поражение.

В конце концов, это всего лишь картинка. Конечно, у нее преимущество в «гляделках».

– Мэйв! – зовет меня Джоан снизу у лестницы.

– Чего?

– Ты идешь ужинать или нет?

– Иду!

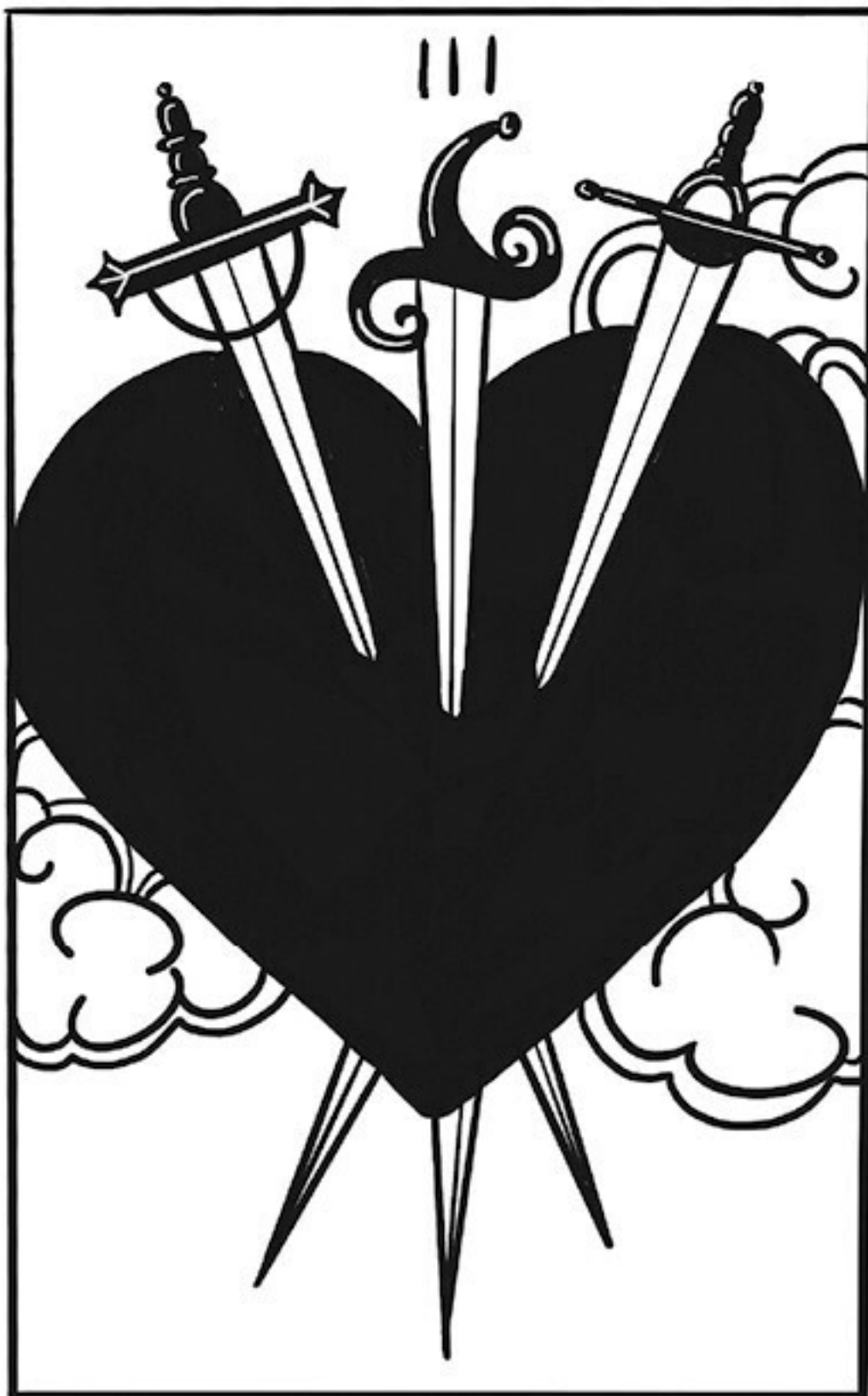
Я встаю, собираю все разложенные карты и укладываю их аккуратно в колоду.

Кроме одной. «Домохозяйки», которая, должно быть, какой-то причудливый джокер, не имеющий значения для реальных раскладов.

Я открываю ящик стола и аккуратно вкладываю ее между страниц старых французских разговорников, присланных Эбби.

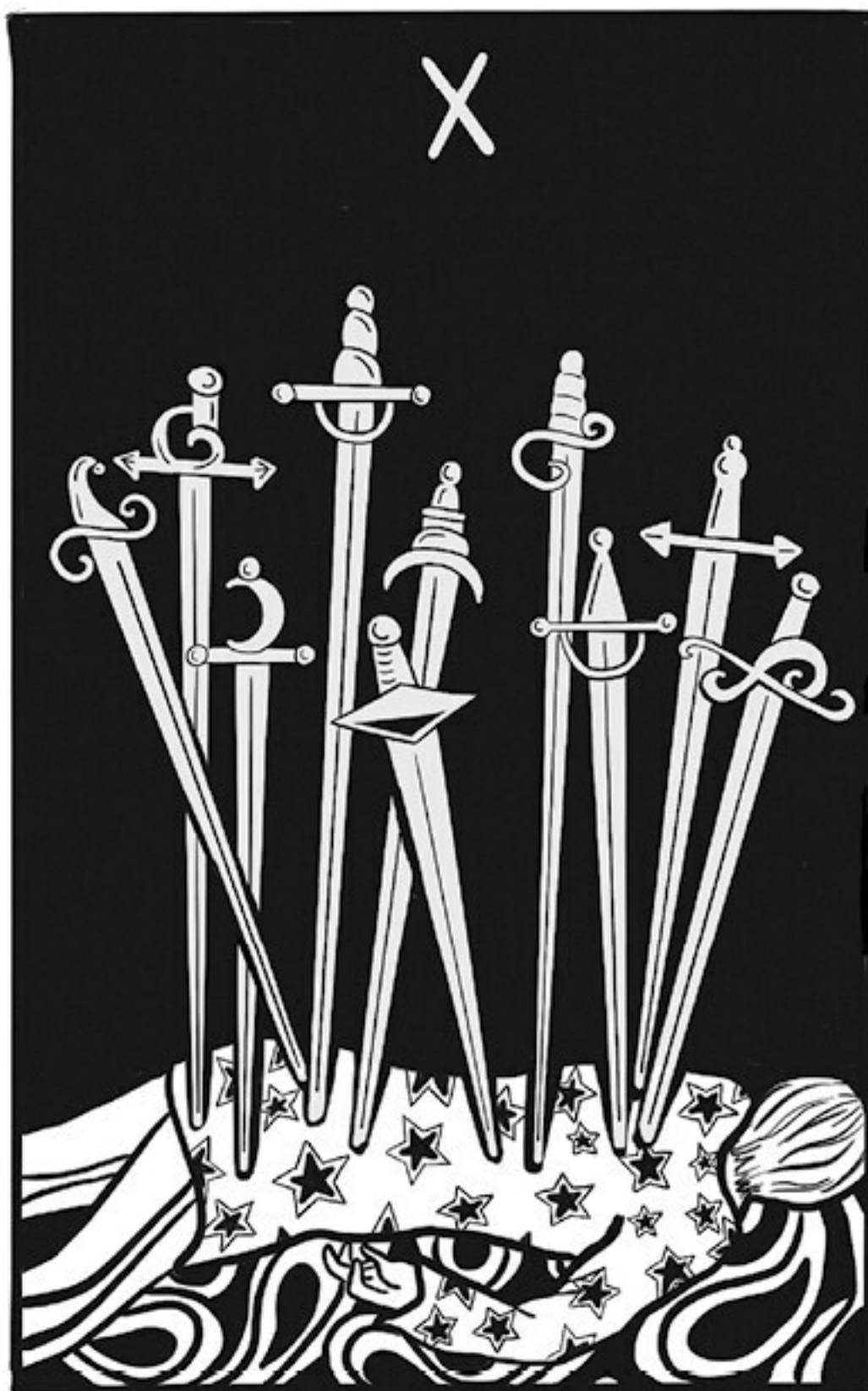
Потом спускаюсь на кухню, ем пад-тай и не спорю с Джо остаток вечера.

5

Через несколько дней я настолько вымотана чтением раскладов для всех желающих, что каждую свободную минуту лежу на полу в Душегубке, пока Фиона подсчитывает наш заработок.

– Шестнадцать евро! – восторженно восклицает она. – И это только за вчера и сегодня.

Обычно мне нравится идея получить больше денег, тем более что родители, выдавая карманные деньги детям, не делали никаких поправок на инфляцию с тех пор, как тинейджером была еще Эбби. Но сейчас я слишком устала, чтобы радоваться, и просто лежу, закрыв глаза.

– Круто.

– Нужно инвестировать в бизнес, – говорит Фиона. – В городе есть лавка, где можно купить всякие магические штучки.

– Магические штучки?

– Ну да. *Тита* говорит, что продавщица этой лавки выгоняет покупателей, если ей не понравится их аура.

Лавка называется «Прорицание», и я направляюсь в нее после школы. Внутри тесно и душно, весь воздух пропитан густым ароматом благовоний. Все поверхности занимают хрустальные шары, ловцы снов и бутылки с самодельными духами. Дождаясь, когда продавщица закончит продавать кому-то камень-деодорант, я начинаю потихоньку разглядывать предметы и осторожно прикасаться к ним, одновременно стараясь проявлять уважение и понимая, что большинство из них – полная чепуха.

– Добрый день! – приветливо обращается ко мне продавщица.

Это женщина лет пятидесяти с лишним, в красных хлопковых шароварах. С ее плеч свисает целая груда янтарных ожерелий. Светлые волосы уложены хвостом, а красная атласная резинка придает ей неуместно детский вид.

– Вам помочь?

– Мне нужны амулеты, – говорю я, вынимая заработанные сегодня шестнадцать евро. – Сколько их можно купить на это?

– Зависит от того, что вам нужно. Зачем они вам?

– В каком смысле?

– Для разных задач требуются разные амулеты, лапушка.

Я беру в руки блестящий серо-лиловый камень размером с картофелину.

– Сколько стоит вот этот?

– Тридцать пять евро.

– Ого, – говорю я, опуская его на место.

Он падает на прилавок с глухим стуком.

– Аметисты – мощные защитные камни. К тому же они должны иметь определенную цену, чтобы мы могли использовать их этично, – говорит она.

Слава богу, мое невежество ее, похоже, не слишком оскорбило.

– Извините, – говорю я. – Я недавно только начала читать Таро и подумала, что было бы неплохо окружить себя какими-нибудь камнями, чтобы помочь моим... э-ммм, клиентам... расслабиться.

– Поздравляю, – улыбается она. – Чтение Таро отнимает много сил. Чем старше становишься, тем больше тебя переполняет энергия других людей. После сорока всякий раз после консультации я просыпалась и едва могла повернуть голову, так меня сковывало. Плохое «джуджу» других людей, понимаешь ли. Это занятие для молодых женщин.

– О... – произношу я, разочарованная мыслью о том, что приходится поглощать энергию других. – Что, так прямо все и происходит, на самом деле... не в *воображении*?

– По-разному.

– А от чего это зависит?

– От «сенситивности». От эмпатии. От типа людей, которых ты консультируешь. Они обнажают перед тобой свои сердца, открывают все, что накапливалось долгие годы, и передают все это тебе. И оно прилипает к тебе. Вот почему я жгу здесь дикий шалфей, – усмехается она. – Дело не столько в том, чтобы очистить клиентов. Скорее, чтобы защитить себя *от* клиентов.

– Наверное, я понимаю, что вы хотите сказать, – говорю я.

Мне кажется, она мне нравится. Я протягиваю руку.

– Меня зовут Мэйв Чэмберс.

Она протягивает свою руку и, по какой-то причине, не называет своего имени, а просто улыбается при звуках моего.

– О, в твоём имени три звука «э», – говорит она с легким любопытством.

– И что это значит?

– Имена обладают силой. Три звука «э» означают, что когда ты влюбляешься, то влюбляешься по-настоящему. У моей сестры Хэвен было примерно так же.

Хэвен. Конечно, как же еще. У владелицы такой лавки обязательно должна быть сестра по имени Хэвен – «Небеса».

Через двадцать минут я иду на автобус, нагрузив карманы розовым кварцем, кальцитом с оранжевыми кончиками и тигровыми глазами. Также она вручает мне бесплатно несколько ароматических палочек.

– Не забывай регулярно очищать помещение, в котором раскладываешь карты, – говорит она поучительным тоном. – И заботься о себе! Следи за тем, чтобы к тебе не прилипла вся грязь других людей!

– Спасибо, – неуверенно отвечаю я.

– *Go raibh maith agat*¹.

В автобусе на 17:15 тихо. Слишком поздно для школьников, слишком рано для часа пик. Я надеваю маленькие пластиковые наушники и включаю Walkman с кассетой «Весна 1990». Музыка меня каким-то странным образом утешает, словно белый шум, на который я могу переключиться в своем мозгу. На одном из сидений я вижу сидящего в одиночестве Рори О'Каллахана, и мне кажется, что после того случая было бы невежливо не сесть рядом с ним. Мы одновременно произносим «привет», а затем замолкаем. Он до сих пор смущен той историей, а я не напоминаю ее.

Я смотрю на его ногти. Они до сих пор покрашены в розовый цвет балетных туфель.

– Круто, – говорю я, опуская руку в карман и нащупывая бумажный пакет. – У меня есть камень такого же цвета.

Я показываю ему розовый кварц. Он зажимает его между ладоней, как будто его только что достали из огня.

– Эй! Осторожно! Эти штуки не из дешевых.

– Ты тратишь на это деньги? – спрашивает он, явно удивляясь. – Тут нет веревки или зажима. Его даже нельзя носить.

– Это розовый кварц. Он для... – тут я понимаю, что не помню, для чего он именно. – Для кое-чего важного.

– Так ты этим увлекаешься? Кристаллы, благовония, все такое?

Я вынимаю ароматическую палочку из кармана и размахиваю ею как посохом.

– Ага, можно сказать и так.

– Ого, – он проводит рукой по своей длинной кудрявой челке, которая почти всегда закрывает его глаза, и отводит волосы назад.

---

¹ Спасибо (пер. с ирл.).

– Мэйв, от тебя я меньше всего ожидал, что ты будешь увлекаться всякими нью-эйджевскими штуками.

Его глаза светло-карие, того редкого оттенка, который в равной степени переливается зеленым и золотым. В нем есть своя особенная привлекательность, которая раньше, когда мы были маленькими, делала его похожим на какого-нибудь жутковатого ребенка-призрака викторианской эпохи, но теперь на него любопытно смотреть.

– От меня? Почему меньше всего? – спрашиваю я недоверчиво. – Почему не от... Владимира Путина?

– Ну, понимаешь, от Путина и так всякое такого ожидают, так что если он принесет девственницу в жертву на алтаре, чтобы выиграть выборы, то вряд ли кто-то удивится, – шутит он. – Путин уж точно больше колдун, чем ты.

– Ну ладно, Путин больше колдун, чем я, – соглашаюсь я, пытаюсь вспомнить каких-нибудь знаменитостей, которых никак нельзя было бы заподозрить в колдовстве. – А как насчет... Рока? А нет, не считается. Рок точно больше колдун, чем я.

– Ну да, – улыбается Рори. – То есть у него даже имя такое, как будто его нашли в земле. Типа колдун уровня земной богини.

Мы еще некоторое время продолжаем шутить, вспоминая знаменитостей не из колдунов и колдуний. Наконец, когда мне уже больше никто не приходит на ум, а у Рори заканчиваются причины, по которым они должны сильнее меня увлекаться магией, я наконец рассказываю ему про карты из Душегубки.

– А, эти. Которые у тебя были несколько дней назад, да?

– Да, – отвечаю я, стараясь избегать упоминания о других картах, которые мы видели в тот день.

– Ну ладно, можешь показать.

Он вынимает три карты. Паж кубков, Повешенный и туз жезлов.

– Ну, – начинаю я загибать пальцы. – Это паж кубков, видишь? Он олицетворяет собой сны и подсознательные вещи, готовые всплыть на поверхность.

Я показываю на пажа, держащего кубок с рыбой внутри.

– Об этом говорит рыба.

– И что, теперь мне нужно пойти на рыбалку?

– Нет, просто тебе нужно поработать над... идеями, которые еще не оформились до конца. А вот Повешенный – видишь, он висит на ноге?

Я поднимаю карту. Рори кивает, рассматривая человека, привязанного за лодыжку к ветке дерева.

– Он находится в подвешенном состоянии. Не может определиться и сделать выбор. Или просто оказался в непонятном положении, из которого не знает, как выйти.

Выражение лица Рори вдруг меняется. Обычно и без того бледное, оно становится сероватого оттенка.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну... не знаю. А ты как думаешь?

Рори ничего не отвечает.

– Понимаешь, раскладывая карты – это как двустороннее движение. Ты рассказываешь что-то мне, и мы вместе пытаемся их объяснить.

– А последняя карта что означает? – спрашивает он серьезным тоном.

– А не хочешь сначала поговорить о Повешенном?

– Нет. Что означает последняя карта?

– Туз жезлов? Это как чистый потенциал, чистый огонь. Ты должен найти энергию на то, чтобы делать что хочешь. Что бы паж и Повешенный ни готовили тебе, туз жезлов поможет тебе это осуществить.

Молчание. Рори напускает на себя скучающий вид.

– Да глупости все это, – произносит он наконец.

– Нет, не глупости.

– Глупости. Откуда мне знать, может, ты все выдумываешь на ходу?

– Потому что я не выдумываю. И вообще, что ты так рассердился? Не такой уж и плохой расклад. Повешенный – это не плохая карта, Рори. Он же не в буквальном смысле повешен.

– Как скажешь.

Он переводит взгляд в окно. Когда автобус доезжает до Килбега, мы выходим, едва бормочем «пока» и расходимся. На полпути до дома я вспоминаю, что у него остался мой розовый кварц.

6

Я надеялась, что моя способность запоминать карты Таро каким-то образом скажется на моей общей успеваемости, и мне станет легче учиться. Но не стало. Впрочем, теперь, когда я почти весь день занимаюсь раскладами Таро, школа вдруг превратилась в более приемлемое место. Все просто с ума сошли на картах. Все утро и весь обед я теперь провожу в Душегубке, и мы с Фионой постоянно обмениваемся записками, договариваясь об очередной встрече.

Я раскладываю свои новые камни на полках в Душегубке, и хотя я почти уверена в том, что женщина из «Прорицания» была слишком осторожна со всеми этими «энергиями», после каждого сеанса я поджигаю палочку. Может, даже немного перебарщиваю с этим, потому что к трем часам дня все учителя жалуются на какой-то странный запах во всем здании, но никто из школьников не жедничает на «Консультацию по картам Таро в Душегубке». Даже те, которые не интересуются картами, кажется, довольны тем, что у нас, как у одноклассников, есть своя тайна. Нечто, что отделяет нас от других.

Фиона очень строго следит за расписанием консультаций и никогда никому не разрешает пропускать очередь или обмениваться своим временем. И всегда в конце каждого дня десять минут выделяет на себя. Я ей почти ничего не говорю. Мы вытаскиваем карты из колоды, но она по большей части лежит на полу и рассказывает, как собирается обучаться актерскому мастерству в Тринити, но что каждый год туда набирают всего семнадцать человек, и она просто *обязана* попасть туда.

Несмотря на все это, мне нравится Фиона. Экзамены она всегда сдает на отлично, но никогда не хвастается этим, да и к учителям не подлизывается. И не озабочена сплетнями, как все остальные. Большинство девочек, приходящие на консультации, задают одни и те же вопросы: что думает о них лучшая подруга и что говорит о них их лучшая подруга. Мойра Финч и Грейс Адлетт трижды приходили каждая, просто чтобы выяснить, почему другая с ней больше не разговаривает.

У некоторых девочек выходят очень хорошие расклады, но они все равно выходят из Душегубки в слезах, с потрясенным видом. Конечно, они делают это напоказ. Всем хочется получить предсказание о том, что их ждет какое-то невероятное потрясение и что их жизнь резко изменится.

Фиона снова лежит на полу, потирая кусок калыцита с оранжевыми пятнами.

– Мой старший брат врач. Он живет в Бостоне, – вздыхает она. – А мама считает, что актерство – это для эгоманьяков.

– У меня оба брата инженеры, – сочувствую ей я. – А сестра Эбби работает на ЕС в Бельгии. Никто не верит, что я сдам итальянский.

– Да, паршиво. Кому вообще нужен итальянский?

– Ну я так и говорю, – отвечаю я, радуясь, что она на моей стороне. – Лучше бы всем нам учить испанский.

– А ты знаешь, что в Лос-Анджелесе в большинстве районов говорят на испанском? И в тагальском языке много испанских слов.

– Правда? Вот видишь, я права.

Я думаю, что мы теперь подруги. Наверное. Хотя трудно сказать.

Но когда картами начинают интересоваться и в классах, становится труднее. Девочки, которых я не смогла обслужить во время обеденной перемены, между уроками начинают толпиться у моей парты. Мистер Бернارد почти всегда минут на пять-десять опаздывает, и все этим пользуются. Окружают меня и начинают умолять разложить им карты.

– Лучше делать это с глазу на глаз, – говорю я девочкам, которым не хватает денег на консультации или которые слишком боятся заходить в Душегубку. – Понимаете, это частное дело.

– Мне все равно! – шутливо восклицает Ребекка Хайнс. – Пускай все смотрят!

– Но мне надо... ну это... сохранять свою энергию.

И это правда. Я начинаю понимать, что мне хотела сказать женщина из «Прорицания». Я скучаю по своим прежним обеденным переменам, когда приходилось выслушивать, как Мишель рассказывает про контурную паластiku носа. К концу каждого дня я начинаю ощущать тяжесть. Два дня подряд я засыпаю в своей кровати прямо в школьной форме, пока мама не зовет меня на ужин.

Но я по-прежнему даю консультации. Мне трудно ответить отказом. Мне не хочется, чтобы обо мне думали, как будто я зазнаюсь только потому что раздобыла колоду. Мне хочется, чтобы меня считали приятной, хорошей, веселой. С моими-то оценками только и остается, что надеяться быть веселой и приятной, чтобы я хоть чем-то интересовала других.

Поэтому, вынимая карты в классной комнате, я начинаю немного преувеличивать. Играть на публику.

– Любовники! – восклицаю я, как будто у меня во рту свежая клубника. – А вот это действительно интересная карта.

– Она означает любовь? – возбужденно спрашивает Ребекка Хайнс.

Столпившиеся вокруг девочки хихикают и подталкивают друг друга. Единственная, кого, похоже, вовсе не интересует гадание, это Лили. Я гляжу на нее поверх голов и плеч и вижу, что ее рука тянется к слуховому аппарату.

Она что, *отключает* его?

– Да, любовь, – отвечаю я Ребекке, хотя это и не совсем верно.

«Любовники» обычно означают скорее поиск гармонии между двумя противоположными силами, чем романтическое увлечение. Но кто хочет это слышать?

– Ты найдешь свою родственную душу, – говорю я.

– Когда? Где? Как?

Я протягиваю ей колоду.

– Спроси карты. Спроси их. Спроси, кто твоя родственная душа.

С другого конца класса на меня смотрит Фиона. Те, кто легкомысленно относятся к Таро, раздражают ее больше, чем меня. Она закатывает глаза и берет в руки телефон. На мой телефон приходит сообщение в WhatsApp. Я быстро бросаю взгляд на экран, наполовину скрытый в моем кармане.

«Как можно настолько грубо играть?»

Я ухмыляюсь и решаю довести дело до конца.

– Ребекка, ты должна спросить карты с открытым сердцем. Спроси их, кто твоя родственная душа.

– *Кто моя родственная душа?* – спрашивает карты бедная глупенькая Ребекка Хайнс.

– ГРОМЧЕ!

– КТО МОЯ РОДСТВЕННАЯ ДУША?

– Магические силы тебя не слышат, Ребекка!

– КТО, БЛИН, МОЯ РОДСТВЕННАЯ ДУША? – кричит она и вытаскивает карту из колоды.

«Дьявол».

– Сатана! – кричу я, напуская на себя испуганный вид. – Твоя родственная душа – Сатана!

В это мгновение в класс входит мистер Бернارد, и все толпившиеся вокруг меня девочки с визгом разбегаются.

- Что? Чем вы тут занимаетесь? Что здесь происходит, Мэйв?
Я быстро прячу карты.
- Ничего, сэр, – отвечаю я скромно.
- Andiamo! Andiamo²! – приказывает он жестом всех вернуться на свои места.

---

² Скорее! Скорее! (*пер. с ит.*)

7

Несколько дней я не вижу рори, но в четверг снова сажусь рядом с ним в автобусе.

– Привет, – говорит он. – У меня осталась твоя вещица.

Он оттягивает воротник рубашки и вытаскивает длинный коричневый шнурок, который прикрепил к моему кварцу.

– Спасибо, – говорю я, когда он опускает камень мне в ладонь.

Меня немного смущает, что он до сих пор хранит тепло его тела.

– Тебе нравятся всякие украшения, не так ли?

Вопрос довольно невинный, но то, как я его задаю, кажется странным и неловким.

– Ага, – отвечает он вполне беззаботно. – Нравятся...

Он вытягивает руки и показывает свои свежепокрашенные ногти. Теперь они аквамаринового цвета.

– Всякие наряды, – заканчивает он со скромной улыбкой.

– Не осуждаю тебя, – говорю я, рассматривая его сине-зеленые ногти. – Ну, то есть мне самой не очень нравятся косметика, украшения и все такое, но мне кажется, это потому что... ну, единственная причина, потому что от тебя это как бы ожидают, раз ты девочка, понимаешь? Как будто, когда я это надеваю, то я как бы и должна это носить. А от этого все впечатления портятся.

Он кивает, глядя на меня так, как если бы я заговорила на языке, который он не слышал с детства.

– Извини, несу какую-то чепуху. Возможно, это даже не имеет смысла.

– Нет, имеет, – говорит он совершенно уверенным тоном. – Имеет. Наверное, никто из нас не хочет делать то, что от нас ожидают.

Мы немного молчим, размышляя друг о друге в совершенно новом свете.

– Слушай, – говорю я, до сих пор ощущая зажатый в руке теплый розовый камень. – Почему бы тебе не оставить его себе?

– Что? Нет, он твой.

– Не совсем. Как я сказала, мне не нравится носить украшения.

Я надеваю шнурок ему на шею, и камень свисает снаружи на его джемпере. Он быстро засовывает его за пазуху.

– Спасибо, Мэйв.

Мы еще немного молчим, пока автобус едет, а когда выходим, Рори задерживается.

– Собираешься сразу домой? – спрашивает он.

– Нет. А что?

– Да так... что-то мне не очень хочется прямо сейчас домой.

– Ну ладно, – отвечаю я, чувствуя, как в животе образуется комок. – А куда ты хочешь пойти?

Мы идем вдоль берега Бега, пиная камешки и ветки, почти не разговаривая. Похоже, ничего конкретного у него на уме нет. Мне уже приходилось так гулять с другими парнями. Ничего особенного. Они постоянно пытаются найти какое-нибудь местечко поукромнее, чтобы дотронуться до тебя, а я им разрешаю. Такое уже бывало дважды. Конечно, это никакой не секс. Просто так я чувствую, что не отстаю от других.

Интересно, а был ли секс у Рори? Вообще-то ему уже семнадцать. Думая об этом, я краснею и плотнее закрываю шарфом нижнюю половину лица.

Мы идем по длинному подземному переходу, где кто-то оставил бутылки и сигареты. Это уже много лет место, где тусуются тинейджеры. Граффити на стенах служат напоминанием о трагедиях каждого поколения: Курт Кобейн, Эми Уайнхаус, Мак Миллер. Мы сидим и немного

разглядываем их, говоря о том, что поп-звезды и рок-идолы всего лишь люди, которые умирают.

– О боже, так по-готски, – смеется Рори, обхватывая руками колени.

– А знаешь, что еще больше по-готски? – спрашиваю я, роюсь в сумке. – Самодельный сборник на кассете.

– Ничего себе! – восклицает он, как будто я вынимаю из сумки отрубленную руку.

– «Весна 1990», – читает он. – Работает?

– Еще как.

Я включаю кассету. Мы берем каждый по наушнику, и я изумляюсь тому, как много песен знает Рори.

– The Cure, – говорит он, когда начинается песня «The Lovecats». – О, и Pixies!

– Не знала, что ты так разбираешься в музыке.

– Ха, Мэйв. Я же играю на гитаре в группе. Ты знаешь это.

– Откуда мне знать?

– Я думал, Лили тебе...

Я прерываю его. Не хочу говорить о его сестре.

– Не знала, понятно? Скажи лучше названия песен.

Он говорит мне названия. Я записываю их в телефон.

Сидя на холодной земле, я начинаю замерзать и встаю.

– Надо идти домой, – говорю я.

– Да, мне тоже.

Наступает молчание. Меня сбивает с толку этот проведенный с ним сюрреалистичный вечер. Мы никогда так долго не были вместе, даже несмотря на то что я ночевала у них в доме с шести лет. Чувство близкого знакомства перерастает в какую-то странную нервозность. Как будто я могу сказать что угодно, а он будет лишь улыбаться и улыбаться или скажет в ответ что-то смешное.

Мне что, *нравится* Рори?

Почему-то этот вопрос мне кажется очень трудным. Обычно, когда мне кто-то нравится, я в этом точно уверена. Это внутреннее чутье. А не эта странная смесь адреналина и дружбы.

– Ну ладно, увидимся, – наконец говорю я.

Я подаюсь вперед, чтобы обнять его, и наши тела неуклюже сталкиваются.

– Да, ладно. Наверное, завтра.

А затем происходит что-то невероятное.

Он склоняет голову набок и странно улыбается. Такая улыбка в сторону, которой в обычной дружбе не существует. Улыбка, от которой начинают гореть мои ноги, а в горле першит.

– Мэйв, – произносит он тихо, едва слышно.

Теперь он находится совсем рядом со мной. Я вижу его ресницы в том месте, где они выходят из кожи.

– Иди-ка поближе.

Он что, собирается поцеловать меня?

Меня что, поцелует Рори О'Каллахан?

А почему бы и нет?

Я закрываю глаза и жду.

А затем ничего. Никакого прикосновения. Просто голос.

– Меня зовут Ро, – говорит он.

Я открываю глаза и моргаю.

– А?

– Хотел, чтобы ты узнала мое имя, – просто говорит он, и вся магия близости предыдущего мгновения тут же полностью исчезает или, что хуже, все это было просто придумано. – Ты можешь называть меня так.

– Ро. Ро, – повторяю я. – Хочешь, чтобы тебя звали Ро?

Он кивает.

– Да, это мое имя. Я его выбрал.

– О. Окей, Ро, – пробую произносить я имя. – Мне нравится, – честно говорю я. – Какое-то немного таинственное.

Ро поворачивается и в последний раз печально улыбается.

– Все колдуньи в сказках знают настоящие имена всего, правда?

И оставляет меня в недоумении на берегу реки.

8

– Да, вроде симпатичный у тебя бойфренд, – говорит Фиона. – Я даже ревную.

Фиона лежит на спине в Душегубке. До первого занятия пять минут. Я почти не вижу девочек, с которыми она общалась в первый день. Фиона знает многих, но особых подруг у нее нет. В первую неделю «фазы Таро» сюда каждое утро приходили по пять-шесть девочек, но теперь почти все уже хотя бы по разу побывали на «консультации», и стало немного легче. Тем не менее Фиона по-прежнему приходит сюда каждое утро.

– Он не мой бойфренд, – возражаю я. – Мы даже не поцеловались.

– Мне понравилась эта штука с именем. А он просил тебя использовать разные местоимения?

– Нет.

– А текстовые сообщения с тех пор посылал?

– Думаю, он даже не знает моего номера.

– Х-мम्म. Как насчет карт? Может, разложим?

– Конечно, – говорю я, тасуя карты.

За пределами класса я всегда тасую колоду. Это успокаивает. Это помогает очистить разум, когда ночью я начинаю слышать голоса девочек из моего класса, и каждая из них толкует о своих проблемах, словно клоуны, пытающиеся набиться в переполненный автомобиль.

– Карты, карты, карты, что Мэйв делать с ее парнем?

Лежа на полу, Фиона протягивает руку над головой и выбирает одну карту наугад.

– Ага, вот она, – размахивает она картой. – Перевернутый мужчина.

– Это Повешенный! – восклицаю я, хватая ее. – Эту карту вынимал Рори в автобусе.

– Ого.

– И очень странно отреагировал. Не захотел ни о чем говорить. Я просто сказала, что Повешенный – это про то, когда находишься между двумя состояниями.

– Или полами, – задумчиво говорит Фиона. – Может, он «эн-би», то есть «небинарный»? Ро – это как бы гендерно-нейтральное имя.

– Может быть. Хотя не совсем понимаю, что это.

– Мне кажется, для разных людей это означает разное. У меня есть знакомый актер «эн-би».

– Я тебя поняла, Фиона. У тебя есть знакомые настоящие актеры.

– Не придуривайся.

Она хватается за старый учебник и хлопает им меня по голове. Звенит звонок.

– Надо идти в класс, – говорит она, но никто из нас не шевелится.

– Какой у тебя урок сейчас? – спрашиваю я.

– Английский. А у тебя?

– Биология.

Мы на мгновение замолкаем, и у каждой из нас в голове вертится один и тот же вопрос.

– Ага, – говорю я, и мы лежим на полу, подложив под головы мой джемпер в качестве подушки.

В Душегубке достаточно уютно, если только привыкнуть к запаху.

– Прогуляем.

Во второй половине оказывается, что нам некому преподавать историю. В Святой Бернадетте так бывает. Иногда учителя просто не появляются из-за какого-то конфликта в расписании или из-за срочных обстоятельств. Для первогодок назначают замену, но с четвертыми, пятыми и шестыми годами обычно не заморачиваются. После звонка проходит двадцать минут, а мы до сих пор одни, без учителя и без замены.

– Мэйв, – говорит Мишель. – Погадай мне на Таро.

– Я уже раскладывала тебе, Мич. Три раза.

Сказать по правде, меня это уже немного раздражает. Мне нравится, когда на меня обращают внимание, но я ненавижу, когда меня воспринимают как показывающую фокусы обезьянку. Со мной так всегда. Если мне кажется, что над моей выходкой посмеются, я обязательно это сделаю. Поэтому я и швырнула ботинок в мистера Бернарда. Таро вовсе не изменило мою репутацию, а просто укрепило ее.

– Погадай мне, – просит Нив. – В последний раз ты гадала мне в среду.

– Твой расклад не мог так уж сильно измениться за два дня, Нив. Все равно я оставила карты в Душегубке.

– А вот и врешь, Мэйв. Не оставляла ты их в Душегубке. Они здесь. – Мишель достает их из моего блейзера, висящего на спинке стула.

Что?

– Это ты их туда положила? – недовольно спрашиваю я. – Ты что, роешься в моих вещах?

– О боже, нет. Чего ты так бесишься? – огрызается она. – Нам просто *скучно*.

– Я не могу все время подряд раскладывать одним и тем же людям, – ворчу я и считаю, что на этом дело закончено.

– Ты еще не раскладывала Лили, – говорит Мишель.

– Она и не спрашивала.

Лили сидит на своем обычном месте, в первом ряду слева. Она уткнулась в одну из тех странных книг, от которых я отговаривала ее на первом курсе. Все это время Таро, казалось, совершенно ее не интересовало. Мне кажется, что отчасти потому, что эта тема ее пугает, а отчасти потому, что она не хочет больше разговаривать со мной.

– Лили не хочет, чтобы ей раскладывали Таро.

– Конечно, хочет, – говорит Нив и поворачивается к Лили. – Эй! Лил! Ты хочешь, чтобы Мэйв погадала тебе на картах?

– Лил! – кричит Нив снова, и поскольку Лили как бы не совсем слышит нас, та встает со стула и пересекает класс.

– Привет, – говорит Лил. – В чем дело?

– Да мы просто хотели спросить, не хотела бы ты проконсультироваться с Таро.

– Что за желание такое?

– Потому что ты единственная на нашем курсе, кто еще не консультировался. Думали, тебе будет интересно.

Вообще-то Нив не все время такая стервозная. Обычно она даже неплохая. Но, как и во всех девочках, в ней заложен потенциал «большой стервы», который очень легко просыпается вблизи от таких доступных целей, как Лили.

Лили заправляет волосы за свое глухое ухо – обычно она так поступает, когда нервничает. Как будто она сразу вспоминает обо всех своих слабостях, и ее охватывает непреодолимое желание показать их, как собаки показывают свой розовый живот.

– Нет, не интересно, – говорит она.

Она до сих пор не посмотрела на меня. Она поворачивается в мою сторону, только если это неизбежно.

– Видишь? – спрашиваю я Нив. – Она не хочет. Так что перестань.

– Ты что, боишься? – дразнит ее Нив.

Да, фраза ужасно избитая, но она работает.

Губы Лили дергаются.

– Нет, – говорит она.

– Тогда выбери три карты. Любые три, – говорит Нив, хватая со стола карты из Душегубки.

Лили осторожно выбирает карты, держа их между кончиков указательного и большого пальцев, словно стараясь свести контакт с ними до минимума. И кладет их лицом вниз на стол.

– Перевернешь их, Мэйв? – спрашивает Лили с неожиданной твердостью в голосе. – Тебе же нравится отворачиваться от одних и поворачиваться к другим.

Слышны громкие вздохи удивления. Лили только что *обвинила* меня.

Теперь на нас как будто обращены все взоры в классе. Даже Фиона отложила телефон и сбросила с себя вид «я выше всего этого», который она напускает на себя во время занятий.

Невозможно понять, что можно ожидать от Лили. Я краснею, вспоминая о вчерашнем вечере, когда закрыла глаза и ожидала поцелуя от ее старшего брата. Неужели он рассказал ей? Они настолько близки? Год назад они не особо разговаривали по душам, но вдруг все изменилось. В конце концов, оба они странные.

Я переворачиваю первую карту Лили. Пятерка кубков, на которой изображена женщина, плачущая над лежащими у ее ног перевернутыми кубками.

Лили глядит прямо на меня.

– И что это значит?

Я вдруг испытываю страх перед ней. Где та скромная, ребячлеватая Лили, которую я знала? Та, которая просила меня рассказать ей истории о привидениях, но плакала, когда они оказывались слишком страшными?

– Печаль, – отвечаю я, поморщившись.

В младшей школе мы с Лили вдвоем ходили на занятия для отстающих. Нам было по шесть лет, и мы складывали по буквам слова «К-О-Т» и «К-И-Т». Узнав, о том, что мы живем рядом, наши мамы подружились. Так началось замечательное время. Мы ночевали друг у друга, посещали семейные праздники, бегали по парку, пока наши мамы сидели и болтали в кафе часами. Дополнительные занятия закончились, а мы стали лучшими подругами.

До того, как пошли в среднюю школу, где вдруг стало очень важно, кто твои подруги.

Или, по меньшей мере, мне так казалось.

– Печаль, – скептически повторяет Лили. – Как-то уж слишком неопределенно.

– В каком смысле?

– Люди постоянно печалются. Печалиться можно по самым разным поводам, – холодно говорит она. – А почему печалюсь я?

Потому что я тебя бросила.

Я слышу, как Нив и Мишель недовольно вздыхают – им уже стало скучно от того, как медленно все происходит. Помнят ли они, что мы когда-то были с Лили подругами?

– Ты печалишься, потому что... – я переворачиваю следующую карту.

Тройка мечей. Сердечная рана.

– Потому что тебя бросили.

Кто-то хихикает.

– О бооооже, – тянет Мишель. – Так у тебя был БОЙФРЕНД?

– Какое поразительное достижение, Лили, молодец, – говорит Нив покровительственным тоном.

Лили краснеет. На мгновение я почти не сомневаюсь в том, что она сейчас выскажет все, что знает про меня, и та сомнительная популярность, которую я обрела в последние недели, окончательно развеется. Даже если мы не общались за последний год, наши мамы до сих пор часто говорят друг с другом.

Никто и никогда не смотрел на меня с той ненавистью, с которой смотрит на меня Лили О'Каллахан прямо сейчас. Меня охватывает такое чувство, будто мои кости разъедает кислота.

– Переверни последнюю карту, Мэйв, – сухо говорит она.

Я переворачиваю. Поначалу буквы никак не складываются в осмысленное слово. Несколько секунд я мысленно проговариваю их, возвращаясь к тому времени, когда была шестилеткой и проговаривала каждую букву в слове «лодка».

ДОМОХОЗЯЙКА

Я открываю и закрываю рот в потрясении. Откуда тут взялась карта Домохозяйка, если я точно помню, что оставляла ее в ящике своего стола? Совершенно точно вынимала ее из колоды.

– Что это значит? – спрашивает Лили, тоже заметно обескураженная.

Гнев ее тут же пропал. Она всегда верила во всякие магические вещи. Особенно ее очаровывали и ужасали истории про волшебные крепости фей, оборотней, ведьм, банши. Она невольно стремилась ко всему таинственному, но пугалась своей веры. Скорее всего, она бы ни разу не попросила меня разложить ей карты Таро, даже если бы мы оставались подругами. Она слишком уважает все оккультное, чтобы так запросто обращаться с ним.

– Не знаю, – говорю я, и она точно чувствует, что дрожь в моем голосе реальная. – Это дополнительная карта.

– Скажи, что она означает, – говорит Лили, не сводя глаз с картинки, на которой изображена женщина с ножом в зубах и паршивой гончей у ног. – Она плохая, правда? Скажи, что она значит, Мэйв.

– Плохих карт не бывает! – вмешивается Фиона, которая, очевидно, наблюдала за нами все это время. – Разве ты не так все время говоришь, Мэйв? Плохих карт ведь нет?

– Ну да, – хрипло говорю я. – Плохих карт нет.

Лили выглядит так, будто вот-вот разрыдается.

– Скажи мне, Мэйв. Я же не ребенок, чтобы мне ничего не говорили.

– Я не знаю, что она означает, – повторяю я.

Лицо Лили багровеет, ноздри раздуваются. Чистый гнев охватывает ее и пересиливает тревогу. Она ненавидит меня за то, что я так с ней поступаю. За то, что выставила ее на посмешище, за то, что заставила бояться чего-то – того, чего, по моему мнению, она точно испугается.

– Как это похоже на тебя, – огрызается она, и на нас смотрят даже те девочки, которые до сих пор оставались в стороне.

– Ты истинная Мэйв, – цедит она сквозь зубы.

– Лили, – я пытаюсь говорить тихо, чтобы успокоить ее.

Но, помимо паники и чувства вины перед Лили, меня охватывает ужас от того, что я вижу карту, которую совершенно точно вынимала из колоды.

– Постой. Я действительно не знаю, что она означает, понятно?

Но Лили не намерена останавливаться. Гнев в ней нарастает медленно, но когда нарастает, то ее уже не остановить.

– Ты сделаешь все, что угодно, ради внимания, правда, Мэйв? Но потом, когда все смотрят на тебя, тебе нечем доказать свои слова.

Девочки вокруг нас громко охают, и я даже слышу «мяу!» со стороны двери.

– Не могу поверить, что мы когда-то дружили, – говорит Лили, по-прежнему не сводя глаз с Домохозяйки. – Ты плохая подруга, Мэйв.

Фиона морщится от такой грубости, в ее взгляде прослеживается жалость ко мне. За ее плечом я вижу, как между собой переглядываются Мишель и Нив. Они как бы говорят: «Если даже такая *лузерша* не хочет дружить с ней, то с какой стати с ней общаться нам?»

Нет, нельзя позволять Лили так обращаться со мной, не на глазах у всех. Нужно ей как-то ответить.

– Жаль, что мы вообще когда-то дружили, – огрызаюсь я. – И вообще, Лили, я хочу, чтобы ты исчезла.

Лили смотрит на меня так, как будто я прищемила ей пальцы дверцей автомобиля. Она делает шаг назад и со слезами на глазах прикусывает губу.

Звенит звонок, и все отправляются на последний в этот день урок. У меня сейчас гражданское поведение. У Лили география. После занятия я оглядываюсь по сторонам в поисках ее, покусывая ногти. Ведь еще можно все отменить, правда?

Как я могла заявить Лили, что жалею о том, что дружила с ней? Ведь я даже не смеялась – по-настоящему, до боли в животе – с той поры, как мы перестали быть подругами. Я скучаю по ней, и уже давно. Даже еще до того, как я порвала с ней окончательно в прошлом году, я начала отдаляться от нее после того, как мы перешли в среднюю школу. Мне казалось, это нормально. Нормально расти по отдельности, нормально сожалеть об отдалении. Это была здоровая грусть, грусть, которую испытываешь по поводу кукол Барби и игрушечных пони, когда становишься слишком взрослой, чтобы играть с ними. Но Лили – это не игрушка, которую можно закинуть в дальний угол ящика. Она человек. И очень замечательный.

После школы я не могу найти ее, как и не вижу Ро в автобусе.

Все выходные я беспокоюсь о ней и как бы невзначай спрашиваю маму, не общались ли они в последнее время с миссис О'Каллахан. Оказывается, что нет, не общались. Мама с папой отправляются в воскресенье вечером в Лиссабон, и мы с Джоан заказываем еду и поглощаем ее за просмотром реалити-шоу «Певец в маске».

Часов в десять свет вдруг выключается, и комната погружается во тьму. Я подпрыгиваю, поскуливая, как собака во время грозы.

– О боже, Мэйв. Успокойся. Это лишь пробки вылетели.

– Знаю. Извини. Просто испугалась.

Наш дом старый, и проводка в нем никуда не годится, так что подобное происходит часто. Джо встает на стул в прихожей и щелкает переключателем в электрическом щите. Свет тут же загорается, но телевизор не включается. Джо начинает было возиться с ним, но быстро понимает, что ничего не сообщает, и сдается. Мы сидим перед ним, не зная, что и думать.

– Наверное, сломался, – говорит она неуверенно. – Отец целый день будет ворчать: «Стоило вас одних на две минуты оставить» и т. д. и т. п.

Я смотрю на наши отражения в темном блестящем экране. Две сестры, совершенно не похожие друг на друга. Джоан выглядит и двигается как профессиональная теннисистка. Она поджарая и мускулистая, с выступающими скулами и относительно «скандинавской» внешностью. Светлые волосы всегда собраны в хвостик. Вид у нее всегда здоровый, как у человека, питающегося морковными палочками. У меня же внешность, о которой мама говорит: «Прямо из Армады» – то есть у меня темные, похожие на проволоку волосы и «монобровь», которую приходится выщипывать каждое второе утро, если я не хочу привлекать к ней внимание. Мой брат Силлиан тоже так выглядит. «У Мэйв и Силлиана средиземноморское сложение», – говорит мама, что странно, потому что с любой стороны все родственники у нас только из Ирландии и ниоткуда больше.

– Все нормально? – спрашивает Джоан, тыкая меня палочкой для еды.

Ей вдруг захотелось поговорить после нескольких часов добродушного молчания.

– Ты за все выходные ни слова не сказала.

– Все нормально, – без выражения отвечаю я.

– Хочешь попрактиковаться на мне в своем Таро?

– Нет, спасибо. Я как бы уже завязала с ним.

– Завязала? Уже?

Может, я преувеличиваю. В конце концов, Лили шестнадцать лет, как и мне. Возможно, за последний год она заметно повзрослела. Может, она переросла свое слишком богатое воображение и свои страхи, но я не могу забыть, с какой яростью она упрекнула меня во время расклада. Высказала все, что думала, и заставила воспринимать ее как равную, а не как давнюю подругу детства. Как будто с тех пор, когда я разговаривала с ней в последний раз, в ней поднялся целый океан. Океан, который заставил нас еще дальше отплыть друг от друга.

Мне становится плохо всякий раз, как я гляжу на карты. Я пару раз перебрала их, чтобы вынуть карту Домохозяйки, но она исчезла. Может, ее взяла Лили? Неужели она в возбуждении положила ее к себе в карман?

В понедельник я извинюсь. И даже прекращу «Консультации Таро». Буду вежливо вести себя с Лили, и потом, возможно, мы подумаем о том, чтобы снова стать подругами. Теперь, когда мы подружились с Ро, мы можем тусоваться все втроем.

Но в понедельник Лили не приходит в школу. И во вторник тоже не показывается.

И только в среду появляется полиция.

9

Первой о полицейских сообщает Нив, которая видела, как они утром ждали у кабинета сестры Ассумпты.

«Горячий коп, – пишет она в группу WhatsApp. – Это не учебная тревога. В здании настоящий секси-полицейский».

Как и следовало ожидать в католической школе для девочек только с одним мужчиной-учителем – если мистера Бернарда и в самом деле можно назвать мужчиной, – все буквально сходит с ума. Все тут же сразу начинают печатать: «ФОТКИ!»

Нив посылает фотографию двух полицейских в светоотражающих куртках. Одна из них – светловолосая женщина, коренастая, с коротким хвостиком на шее. Другой, очевидно, и есть тот самый «секси-полицейский»: очень высокий, стройный мужчина лет тридцати пяти с темно-рыжими волосами.

«Нив, это, по-твоему, секси-полицейский? Нужно серьезно поговорить о твоих вкусах», – печатает Мишель.

«А зачем они вообще пришли в школу?» – печатаю я, но никто не отвечает. Мишель и Нив заняты разгорающимся спором по поводу того, кого считать привлекательным мужчиной.

«Подойдешь к нему, Нив?» – спрашивает кто-то еще.

«Не только, подкачу».

Несколько смеющихся эмодзи.

Я печатаю тот же вопрос Фионе. Без ответа. На этой неделе она занята с какой-то трупной, которую создали ее старшие приятели из театральной студии. Весь вчерашний вечер она публиковала инстаграм-сториз в военных чулках в сеточку.

Я продолжаю печатать сообщения в группу, но не отсылаю. Я боюсь выразить то, что у меня на уме: что дело тут в Лили и том, что она отсутствует несколько дней.

Утренние уроки проходят один за другим. Сначала математика, потом география. Мы проходим оползни. «Смещение масс горных пород по склону». Слова на странице сливаются с моими внутренними предчувствиями, и меня охватывает чувство, как будто меня сейчас раздавит какая-то тяжелая бесконечная масса.

А потом начинается. За десять минут до конца урока раздается стук в дверь. Входит мисс Харрис в сопровождении «горячего копа» и «копа-блондинки».

– Здравствуйтесь, девочки, – говорит она как можно более бодрым тоном. – Это детектив полиции Сара Гриффин и инспектор Мэтью Уорд. Я знаю, что вы хотите побыстрее пойти на утреннюю перемену, но они зададут вам всего лишь пару вопросов. Про Лили.

Я физически ощущаю на себе взгляды двадцати одной пары глаз. Не думаю, что кто-то до этого по-настоящему обращал внимание на отсутствие Лили. Скорее всего, к вечеру пятницы большинство учениц и забыли про карту Домохозяйки. Но теперь, услышав имя Лили, начали догадываться, что к чему.

– Доброе утро всем, – говорит Гриффин. – К сожалению, ваша одноклассница Лили О'Каллахан отсутствует еще с воскресного вечера. Подробности мы здесь сообщать не будем, но ее родные очень беспокоятся, и мы были бы благодарны, если кто-нибудь, кто хорошо знает ее или видел ее на прошлой неделе в школе, рассказал бы об этом. Даже самые незначительные сведения могут оказаться очень полезными для нас.

Отчетливо слышно, как все девочки одновременно задерживают дыхание. А потом напряженно выдыхают через зубы.

Глаза Гриффин бегают по классу. Видно, что она мысленно фиксирует происходящее. То, что позже запишет в свою записную книжку. Взгляд ее перескакивает от одной девочки к другой. Наверное, думает, кого вызвать, если никто не поднимет руку.

Тут заговаривает полицейский, понравившийся Нив.

– Только вы ни в коем случае не паникуйте, – говорит он добродушно. – В большинстве случаев девочки возраста и описания Лили обычно просто убегают из дома. Как правило, они возвращаются сами по себе. Но мы хотим убедиться, что с Лили все в порядке, так что если вдруг кому-то что-то известно про ее друга или подругу – или... *организацию*, в которой она могла состоять...

Детектив Гриффин вдруг очень строго смотрит на своего коллегу, как будто они не договаривались произносить при нас слово «организация».

Многие школьницы переглядываются. Некоторые толкают друг друга и смотрят на меня. Если я не скажу что-нибудь сейчас, то меня все равно быстро вычислят. Гриффин проследит за их взглядами и поймет, что в их центре всегда оказываюсь я. Я поднимаю руку.

Глаза мисс Харрис расширяются. Она работает здесь лишь пару лет. Не думаю, что ей известно о том, что раньше мы с Лили были подругами.

– Мэйв?

– Мне кажется, я могу что-то знать про Лили, – медленно говорю я.

Все трое взрослых моргают, смотря на меня, и переглядываются с выражением: «Не думали, что будет так легко».

– Мне кажется, это я виновата, – говорю я.

И меня выводят из класса, под взгляды остальных, обжигающие, как дыхание дракона. К счастью, я уже оказываюсь в коридоре, когда у меня из глаз начинают течь слезы.

Меня приводят в кабинет сестры Ассумпты – светлое просторное помещение, в котором принимают богатых родителей и бывших выпускниц, когда хотят получить пожертвование на ремонт крыши. Я никогда раньше не была в этом помещении, хотя, конечно, видела его лимонного цвета стены и супермягкий диван с обивкой – обычно, когда проходила мимо по дороге в гораздо менее шикарный кабинет мисс Харрис.

А теперь я нахожусь здесь и не знаю, что делать. Никаких же правил по этому случаю нет, правда? Стоять мне? Сест? Если меня будут наказывать, то мой инстинкт подсказывает мне, что лучше стоять, но все смотрят на меня с такой озабоченностью, что колени у меня подкашиваются. Мои кости стали словно полупустые бутылки из-под шампуня, которые обычно бросают в душе.

– Итак, Мэйв, – говорит мисс Харрис, дотрагиваясь до моей руки и садясь на диван. – Присядь рядом со мной, возьми салфетку и просто подыши несколько секунд.

Я опускаюсь рядом с ней. Слезы до сих пор струятся по моим щекам. Боже милостивый. Что она обо мне подумает? Сквозь слезы я вижу, как она хмурится. Все это ее смущает. Наверное, у нее в кабинете есть список «чувствительных» девочек, и я очень сомневаюсь, что в нем присутствует мое имя.

Но я все равно беру бумажную салфетку и опустошаю в нее содержимое носа. Хватаю другую. И еще одну. Уголком глаза я вижу, как в кабинет, прихрамывая, входит сестра Ассумпта во всем своем великолепии.

Про сестру Ассумпту шутят, что ее держат в этом кабинете с отключенным телефоном, потому что это дешевле, чем отсылать ее в дом престарелых. Конечно, это не очень хорошая шутка, но ее сочинили задолго до того, как я поступила в школу Святой Бернадетты, и ее будут пересказывать, пока сестра Ассумпта не умрет. Что, похоже, она пока не планирует делать. Как представители любой человеческой цивилизации считают, что станут свидетелями Апокалипсиса, так и все девочки, каждый год поступающие в школу, убеждены, что они-то уж точно станут свидетелями ее кончины.

Сестра Ассумпта – крошечная женщина. Ей где-то между шестьюдесятью пятью и ста тремя годами, в зависимости от погоды. Зимой она кажется самым старым человеком на земле, облаченная в слои вязаных изделий и термоноски, которые прикрепляет к завязкам на руках.

В первый месяц нашего с Лили обучения здесь мы с ней во время обеденного перерыва как-то зашли в пустой класс. И пока мы там сидели, сестра Ассумпта неожиданно распахнула дверь с энергией, которую я с тех пор не видела ни у одной пожилой женщины, и указала на нас пальцем.

– Вы, обе. Пойдем со мной.

Мы были совсем новенькими и не понимали, вдруг мы нарушили какое-то школьное правило. И еще мы думали, что сестра Ассумпта обладает какой-то властью, что тоже было не так.

Мы проследовали за ней во двор, где под деревом был припаркован ее «Фольксваген-Жук» 1963 года небесно-голубого цвета.

– Она что, до сих пор водит? – прошептала Лили.

Я подавила смех.

– А это вообще законно?

Когда она открыла дверцу, нам предоставилась возможность заглянуть внутрь, и мы быстро поняли, что этим чудесным маленьким «Жуком» давно не управляли. Окно было слегка опущено, а вся машина набита опавшими листьями, некоторые из которых были оранжевого цвета старой тыквы, а некоторые зеленые, как сигнал светофора. Машина определенно не покидала территорию школы много лет.

Сестра Ассумпта открыла багажник и показала на три старых полусгнивших картонных коробки.

– Занесите их внутрь, – сказала она кратко. – Поднимайте снизу, присев. Вы хорошие, сильные девочки. Вот так.

Мы проследовали за ней до школы и поставили коробки в помещении, которое позже стало кабинетом мисс Харрис, но тогда было просто большой кладовкой. Как только сестра отвернулась, я открыла коробку и вынула бархатную шкатулку для украшений. Всего таких шкатулок было штук двенадцать, может, больше. Я открыла ее и увидела целую кучу дешевой декоративной бижутерии. Пластиковые «жемчужины», стеклянные «бриллианты». Вещи, которые, возможно, по отдельности стоили немного, но вместе могли бы сойти за пару сотен евро.

Мы обсуждали этот случай месяцами. «Фольксваген-Жук», заполненный листьями, куча дешевых украшений, скрюченный палец. Ощущение, что мы были маленькой частью какого-то большого плана нашей директрисы, который, возможно, еще не закончился. Мы сочиняли об этом рассказы. Лили начинала с двух предложений, затем передавала бумажку мне, и я писала еще два предложения. Вскоре у нас получилась целая сага, эпический роман о бывшей монахини и бразильском графе. Каждый раз после этого, завидев сестру Ассумпту, мы начинали хихикать, но никому не говорили почему.

Когда же я увидела сестру Ассумпту сейчас, эту причудливую старушку, бывшую монахиню, с носками на руках и в темно-синей юбке до колен, то поняла, что дело серьезное.

Лили пропала. Целая жизнь воспоминаний, понятных только нам шуток и прозвищ – все это развеялось, как утренний туман, и винить следует только меня. Неужели мой расклад Таро в пятницу настолько рассердил ее, что она не захотела появляться в школе в понедельник? Неужели она и вправду сбежала из дома?

Я снова начинаю реветь. Оказывается, раз уж начала плакать, то перестать очень трудно. Сестра Ассумпта всматривается в меня сквозь свои огромные совиные очки, крайне изумляясь.

– Это личный кабинет, – говорит она, явно раздраженная. – Я не разрешала приводить сюда полицейских.

– Я знаю, сестра, – говорит мисс Харрис. – Но обстоятельства довольно специфичны, поэтому я подумала, что вы не станете возражать.

– Здесь плачет девочка, – говорит сестра А. – Почему здесь плачет девочка?

– Это связано с Лили О'Каллахан, сестра, – отвечает мисс Харрис, стараясь сохранять деловой вид. – С пропавшей девочкой.

– С кем?

– Послушайте, – произносит наконец детектив Гриффин. – Мы не можем принять показания от Мэйв без присутствия ее родителей или опекунов, и она очевидно расстроена. Что, если подвезти ее домой и поговорить с ее родителями и с ней там? Где ей будет комфортно?

– Это разве не сестренка Харриет Эванс? Младшая? – снова вступает сестра Ассумпта.

– Нет, сестра, – отвечает мисс Харрис, отчаявшись.

Она поворачивается к Гриффин.

– Думаю, это хорошая мысль.

Так мы и поступаем. Мы выходим во двор, направляясь к парковке за зданием. Сейчас все на утренней перемене, и девочки моего года коварно бродят вдоль стен или между покрытыми мхом и плесенью скамейками. Увидев меня в сопровождении двух полицейских, они встают на цыпочки и вытягивают шеи.

Во дворе воцаряется гробовая тишина. Все замирают. Не слышно даже звука скакалки, с которой играют девочки помладше.

А потом я слышу чей-то одинокий голос, раздающийся словно выстрел ружья в пустыне.

– Ведьма!

Гриффин настораживается.

– ВЕДЬМА!

Гриффин озирается по сторонам, стараясь определить источник звука. Но уже поздно. Голосов уже много.

– ВЕДЬМА! ВЕДЬМА! ВЕДЬМА! ВЕДЬМА! ВЕДЬМА!

И они не замолкают, пока мы не садимся в полицейскую машину и не отъезжаем от школы Святой Бернадетты.

10

Мы уже в миле от дома, когда я вспоминаю, что мама с папой в Португалии, и я не имею ни малейшего представления, есть ли у Джо сегодня занятия. Я отпираю входную дверь, и на меня набрасывается Туту. Обычно я не испытываю потребности извиняться за собаку. Но сейчас, в формальной обстановке, с двумя полицейскими в доме, кажется, что все только подтверждает мою очевидную вину. Прыгающая собака, грязные тарелки на кухне, кусок масла, оставшийся от завтрака и до сих пор лежащий на столе. Все, кажется, говорит о том, какая же я ничтожная, подлая мерзавка. Плохая домохозяйка и плохая подруга.

– Джо! – кричу я, подойдя к лестнице, надеясь на то, что она дома.

Никакого ответа. Я с извиняющимся видом улыбаюсь Гриффин и Уорду.

– Джоаннннн! – снова кричу я и поднимаюсь по лестнице.

– Что? – Она со скрипом открывает дверь своей спальни, облаченная в спортивные штаны, вытирая полотенцем мокрые волосы.

Слава богу, она дома!

– Там... ну... там полицейские.

– Пардон?

– Внизу. Мне нужно дать показания. Лили пропала.

– Лили О'Каллахан? – Джоан прикрывает рукой рот, глаза ее уже влажные. – И давно?

– С вечера воскресенья. Послушай, может, ты спустишься?

Джоан спускается, и я, дрожа, представляю всех друг другу. Детектив Гриффин излагает слегка измененную версию того, что уже рассказывала в классе. Теперь, когда на нее не уставились двадцать девочек-подростков, она кажется менее напряженной и даже рассказывает Джо кое-какие подробности.

– Родители Ли видели ее в последний раз вечером в воскресенье. Она отправилась спать часов в десять, но, как сказал ее брат, Лили часто засиживалась до часу или двух ночи, рисуя или читая.

Ее брат.

– О'Каллаханы сказали, что на выходных не замечали каких-то особенных изменений в ее поведении, хотя, возможно, она и вела себя чуть тише обычного.

– Лили всегда была тихой, – говорит Джо. – Такой у нее характер.

– У нас тоже сложилось такое впечатление. В любом случае, ее мать поняла, что девочка отсутствует, только в восемь утра, в понедельник, когда Лили не ответила на многочисленные звонки. В конце концов миссис О'Каллахан открыла дверь в спальню и увидела, что Лили нет. С собой она ничего не взяла. Никакой одежды, никаких сумок. Даже, судя по всему, не сменила пижаму.

Мы с Джо молчим и обе представляем, как Лили бредет в пижаме по пригородной дороге. Я почему-то задаюсь вопросом, какая именно пижама была на Лили.

– Мы ищем кого-нибудь, кто сообщит нам какие-то сведения о Лили, – подводит итог Гриффин. – И Мэйв добровольно вызвалась нам помочь.

– Но Мэйв, Лили не появлялась здесь целую вечность. Вы же вроде не поладили в прошлом году, не так ли?

И снова Гриффин смотрит на меня подозрительным взглядом. Взглядом, который словно говорит: «Что ж, это уже интересно».

– Да, но мы снова разговаривали в пятницу. Я погадала ей на Таро. Я не хотела, и она тоже не хотела, но девочки в школе... уговорили нас.

– Прощу прощения, Таро? Это такие карты? – спрашивает Уорд.

– Да, – отвечаю я. – Я гадала всем девочкам на нашем году обучения. Я нашла колоду в школе и узнала значения карт. Ну так, ради развлечения, ничего особенного. По крайней мере, мне так казалось. В общем, я погадала Лили, а она расстроилась. Потом она не пришла в школу.

– Что ты ей сказала во время гадания? Что она умрет или что-то в таком духе?

– Нет, ничего такого. Я бы никогда такого не сказала. Понимаете, карты не предсказывают будущего, они показывают настоящее.

Не знаю, почему я повторяю детективу свою вступительную речь перед каждым сеансом. Как будто ей не все равно.

– И что карты сказали Лили?

– Сказали, что она очень одинока. И с разбитым сердцем?

– Одинока? Рассталась с бойфрендом? У нее был какой-то бывший бойфренд?

– Нет, – уверенно отвечаю я. – Лили не такая. Карты говорили о мне. Я...

Я снова запинаясь. Джо спрашивает, не принести ли мне воды, и я мотаю головой. И снова начинаю предложение.

– Я когда-то была лучшей подругой Лили. А потом мы перестали – я перестала – дружить.

– Вы поссорились?

Я утыкаюсь лицом в ладони. Нет, мы даже не поссорились по-настоящему. Мне хотелось бы поссориться. Ссора предполагает, что обе стороны виноваты в равной степени.

Правда же заключается в том, что я просто вычеркнула Лили из своей жизни – просто взяла и вычеркнула. Я начала заводить отношения с некоторыми девочками, которые формально находились выше меня по социальному положению, и какое-то время думала, что Лили меня догонит. Мы с Мишель, Нив и Лили сидели вместе за обедом. Я знала, что девочкам не так нравится Лили, как мне, но думала, что их отношение изменится, когда они познакомятся поближе. Они поймут, что она интересная и очень самобытная, что с ней бывает весело.

Но план не сработал.

– Чего уставилась, Лили? – однажды спросила Нив, когда Лили увидела, как они с Мишель вдвоем делают селфи. – Ты всегда так смотришь на нас.

– Я думаю, как было бы круто, если бы вы сделали селфи, а потом бы они состарились и сморщились, а вы остались бы такими же. И всякий раз, как вы включали бы телефон, вы бы видели свои старые лица с выпавшими зубами. Как в «Портрете Дориана Грея». Только с телефонами.

Я рассмеялась. Я не читала «Портрет Дориана Грея», но Лили мне пересказывала сюжет. Мы даже разыгрывали его. Мы тогда еще продолжали «разыгрывать» всякие вещи, хотя уже точно были слишком взрослые для таких игр.

– Странная ты какая-то, – проворчала Нив.

Поначалу она сказала это по-доброму, как будто бы сомневаясь. Но потом постоянно это повторяла. Последней каплей стал случай, когда мы после занятий начали встречаться с мальчиками из школы Святого Антония на старом теннисном корте, и Лили лизнула Кита Дилани.

Нив позвонила мне вечером.

– Мэйв, нужно поговорить. О Лили.

– О том, что она лизнула его, – первой сказала я, уже зная, о чем пойдет речь. – Она просто играла, как мы иногда играем.

Мы изобрели «игру в лизание» за несколько лет до этого. Все началось, когда Ро сказал нам, что невозможно достать языком до своего собственного локтя, и мы провели два дня в

попытках. Они переросли в игру, в попытки лизнуть разные предметы в трудных или рискованных местах – хотя бы вынуть язык на секунду. По субботам мы отправлялись в книжный магазин «Уотерстоунс» и делали вид, что разглядываем полки, а сами наблюдали друг за другом и затем медленно – очень медленно – высовывали языки и показывали им на книги, которые как будто читали. Потом выбегали из магазина, взявшись за руки и заливаясь смехом.

Наверное, это была одна из тех «фишек», которые понятны только тем, кто присутствует при них.

Поэтому, когда Лили несколько часов прождала, когда же на теннисной площадке начнется что-то интересное, она от скуки тихонько дотронулась языком до шеи Кита, как бы говоря: «Так когда же можно уже будет наконец повеселиться?»

Я неуклюже объяснила это Нив, и она некоторое время молчала, а после заявила:

– Послушай, Мэйв. *Мы* никогда не напрашивались ей в подруги, и *мы* не хотим с ней больше общаться.

И так получилось, что я стала избегать Лили в школе, отворачиваться при виде ее, отказываться встречаться с ней взглядом, когда она заговаривала со мной. Я говорила Джоанн передать, что меня нет дома, когда она звонила. Наконец Лили поняла намеки. «Лизание Кита Дилани» стало последним эпизодом нашей дружбы.

Я поворачиваюсь к Гриффин.

– Нет, мы не поссорились. Просто выросли.

– Ты можешь назвать примерную дату, Мэйв? Когда вы перестали дружить?

– Где-то... до рождественских праздников, наверное. Перед прошлым Рождеством. Примерно четырнадцать месяцев назад.

Уорд выглядит раздраженным. Он постоянно что-то пишет в блокноте.

– Итак, ты утверждаешь, Мэйв, что не имеешь никаких относящихся к делу сведений о Лили за прошлый год? А она... посещала какие-нибудь чаты в Интернете? Были ли у нее какие-то *особые* друзья?

Гриффин, нахмурившись, смотрит на него.

– Не уверена, что чаты до сих пор популярны, Уорд. И в любом случае, это *не относится* к делу. Расскажи еще о гадании на картах Таро, Мэйв. Произошло ли тогда еще что-нибудь?

Я кусаю губу.

– Да. Открылась одна карта. Которая, вообще-то, не принадлежит колоде.

– Ты можешь ее показать? Эти карты сейчас у тебя с собой?

Я вынимаю их из своей школьной сумки и кладу на пол перед собой. Переворачиваю их лицом вверх.

– Видите эти карты, у каждой есть свое место. Каждая принадлежит к какой-то масти или имеет какое-то осмысленное название. Но эта карта, она выпала только для Лили. На ней была изображена пугающая женщина и написано «Домохозяйка». Она была сама по себе.

– И что означает эта Домохозяйка?

– Не знаю. Поэтому Лили и расстроилась. Она верит во всякое такое. Больше многих. Больше меня. Когда я сказала, что не знаю, что это за карта, она испугалась. Мне тоже стало страшно, потому что мне казалось, что я убрала эту карту из колоды.

– А ты можешь показать сейчас эту карту?

– В этом-то и дело, – говорю я, прикусывая губу. – Я не знаю, куда она подевалась.

В моем голосе слышна дрожь, как будто я боюсь, что карта вот-вот зайдет в дверь.

– Значит, ты испугалась, и это испугало Лили, – говорит Гриффин. – Ее брат говорил, что ее впечатляли подобные вещи.

При слове «брат» мое сердце снова подпрыгивает. Ро. Меня настолько расстроили мысли о том, что Лили в опасности, что я полностью забыла о Ро и о том, каково ему сейчас придется.

– Да. Я всегда была типа... лидером, наверное, – говорю я неуверенно. – Лили всегда чувствовала то же, что и я.

– Поэтому ты была как на иголках все выходные? – спрашивает Джо. – У тебя были дурные предчувствия о Лили?

Я киваю.

– И поэтому все девочки говорили «ведьма», – делает вывод Гриффин.

Снова киваю.

– И еще кое-что, – добавляю я и ощущаю, как трое взрослых буквально склоняются надо мной, внимая каждому моему слову, пока я их выдавливаю из себя, словно аркадный автомат билеты.

Я перевожу взгляд на Джо в надежде, что она защитит меня, когда я сообщу последние сведения – расскажу, какая я на самом деле жестокая и ужасная подруга.

– Мы с Лили как бы... поругались в пятницу. Она сказала кое-что плохое про меня, и затем я сказала кое-что плохое про нее.

– Что именно?

– Она сказала... она сказала, что не понимает, почему мы вообще дружили, а я сказала, что мне жаль, что мы вообще дружили.

В горле у меня образуется комок, словно в него затолкали липкую кашу.

– А потом я сказала, что хочу, чтобы она исчезла.

Гриффин, Уорд и Джо глядят друг на друга широко раскрытыми глазами.

– И она исчезла, – говорю я, пока мои глаза снова наполняются слезами. – Лили пропала, и все по моей вине.

Джо обвивает меня рукой.

– Мэй, – обращается она ко мне нежно. – Похоже, ты просто накручиваешь себя по поводу всякой злой жутки. Все в порядке. Ты не виновата. Что бы ни произошло с Лили, это не потому, что ты себя вела с ней плохо или как-то странно. Ты тоже часто пугалась, как и она. Помню, однажды вы ночевали у нее и играли с доской Уиджа, а потом ты позвонила маме, чтобы тебя забрали домой.

При этих словах она улыбается Гриффин и Уорду, как бы говоря: «Девочки, что с них взять».

– Послушай свою сестру, Мэйв. Не нужно укорять себя. Ты поможешь Лили, если расскажешь все, что знаешь про свою лучшую подругу. Любая мелочь может быть полезной.

Мою лучшую подругу. В настоящем времени. Кто так обращается со своими лучшими подругами?

Я рассказываю, а они записывают. Задают бесконечные вопросы про Лили, но ничего конкретного. Все они звучат, как будто их позаимствовали из какой-нибудь «Большой книги проблем тинейджеров».

– Лили когда-нибудь становилась объектом буллинга? Другие девочки вели себя по отношению к ней плохо? – спрашивает Гриффин. – У нее были проблемы с собственным телом? Алкоголь или наркотики?

Алкоголь и наркотики: ну, это легко. Это уж вряд ли. Однажды мы решили выпить бутылку водки в саду возле батута. Чтобы посмотреть, что произойдет. Мы едва прикончили треть, как Лили стошнило, и она поклялась никогда больше не пить.

Проблемы с телом: возможно. Хотя маловероятно. Тем летом, когда нам было по двенадцать, Лили вымахала на пять дюймов. Превратилась из девочки с мартышечьим личиком в немного пучеглазого тинейджера, выше самой высокой нашей сверстницы в школе на добрых

двойм-два. Но ее, похоже, это нисколько не заботило. У нее был такой отстраненный вид, какой бывает у некоторых русских моделей – не обязательно красивых, но достаточно интересных, чтобы демонстрировать платья-мешки в таких позах, будто у них вывихнуты конечности.

Буллинг: это посложнее. Девочки в школе Святой Бернадетты могут быть «стервами», это однозначно, и даже дети в начальной школе бывали жестокими. В лучшие дни задавали всякие неприятные вопросы по поводу ее слухового аппарата, а в худшие просто обидно обзывались. Но по поводу Лили одно можно сказать наверняка – ей было совершенно все равно. Люди так часто говорят, но в ее случае это правда. Кто бы ни начинал нас обзывать за то, что мы посещаем занятия для отстающих, она просто закатывала глаза. «Не обращай внимания, Мэйв. Это просто шум».

Потому что для нее это так и было. Лили – эксперт чтения по губам, научившийся этому самостоятельно, с рождения, поэтому до каких-то пор никто и не догадывался о ее проблемах со слухом. Она научилась воспринимать нужные звуки и отсекал ненужные, что сказалось на ее характере. Если кто-то говорит то, что ей не хочется слышать, она просто решает не слушать.

Хотелось бы мне так. Хотелось бы не обращать внимания на людей вроде Мишель или Нив и не заботиться тем, что они думают обо мне.

– Мне кажется, достаточно, – говорит Джоан, как мне показалось, после нескольких часов допроса. – Мэйв нужно делать уроки и ужинать. Вы можете позвонить мне, если у вас возникнут еще вопросы.

Полицейские украдкой бросают взгляд на мой телефон, лежащий на столе.

– Связаться *со мной*, – повторяет моя сестра настойчиво.

Уорд захлопывает свой блокнот, и они встают, чтобы уйти.

– Ты замечательно все сделала, Мэйв, – говорит Уорд, улыбаясь мне. Теперь я понимаю, почему он показался Нив красавчиком. – Ты рассказала много всего полезного.

Пока Джоан провожает их до входной двери, я слышу, как Гриффин говорит вслух, но по большей части себе самой:

– Честно говоря, она рассказала столько, что я и не знаю, что еще спрашивать.

11

На следующее утро я пытаюсь убедить Джо разрешить мне остаться дома и не ходить в школу. Безуспешно.

– Мама разрешила бы мне остаться дома, – умоляю я.

В моих ушах до сих пор эхом отражается слово «ведьма», которое выкрикивали мои одноклассницы, раскатистое, как звон пинаемой по переулку консервной банки.

– Нет, – отвечает она решительно. – Я весь день буду отсутствовать и не хочу, чтобы ты сидела дома, смотрела «Семейку Кардашьян» и впадала в депрессию. Ты только будешь обвинять себя, а я не смогу тебя успокоить. Как насчет компромисса?

– Ладно, – недовольно отвечаю я, хотя понимаю, что она права.

К чести Джо, будет сказано, вчера она произвела неплохое впечатление как идеальная сестра. Я весь вечер проговорила про Лили, про «Консультации Таро» и про то, как распалась наша дружба, когда я решила завести подруг в лице Нив и Мишель.

Раньше я про это не говорила никому. Мама с папой спрашивали, почему вдруг Лили перестала приходить ко мне в гости, но я всегда отвечала неопределенно, намекая на то, что мы поссорились и виноваты в этом обе, а не только я. Мать Лили пыталась прояснить это несколько раз. Я слышала, как они разговаривали.

– Очень жаль, правда? – немногословно спрашивала миссис О'Каллахан.

– Они помирятся. Девочки в их возрасте часто ссорятся и снова мирятся, – отвечала мама.

На это миссис О'Каллахан ничего не говорила. Она слишком умна и вежлива, чтобы сказать: «Ну, уж Лили точно не виновата. Это должна быть твоя корова, из-за которой все проблемы», но я точно знала, что она так думает, каждый раз, как проходила мимо нее в коридоре или у ворот школы.

– Послушай, Мэйв, – говорит Джо, обхватывая меня за плечи. – Не нужно было отталкивать от себя Лили. Но ведь ты и так уже укоряешь себя за это, и давно. Когда Лили вернется, ты извинишься и очень вежливо попросишь снова общаться с тобой. До тех пор нельзя обвинять себя в ее исчезновении.

– Но ведь я погадала ей на картах, Джо. Я расстроила ее. *Я сказала, что ей нужно исчезнуть.* А потом она пропала.

– Но разве ты не гадала на картах двум десяткам других девочек? И не всегда расклады были радужными? Наверняка там тоже появлялись пугающие карты.

– Наверное, – говорю я и кладу голову ей на грудь.

– Дело в том, Мэйв, что Лили всегда поступала по-своему. Даже когда была совсем маленькой. Она всегда была из тех, кого видишь в толпе и думаешь: «Она точно поступит по-другому». И не всегда можно с уверенностью сказать, как именно – сбежит из дома или решит спасти голодающих всего мира.

Пока мы едем, я молчу, прокручивая в голове наш разговор. Джо права насчет Лили. По ее виду всегда можно было сказать, что она не похожа на других и настроена на что-то иное. Словно ходячее электромагнитное поле. А я была ее нескладной подругой, способной только на то, чтобы едва цепляться за самые нижние ступени популярности и потерять в процессе нечто по-настоящему классное. Почему я не уникальная и не особенная? Почему я не могу попытаться спасти голодающих всего мира?

Факт в том, что я бросила Лили, но она настолько хороша, что это она должна была бросить меня.

– Я пойду в школу с тобой, – заявляет Джо, когда мы подходим к воротам.

– *Что?*

– Хочу поговорить с мисс Харрис. Не хочу, чтобы полицейские вытаскивали тебя с занятий и пытались выудить из тебя еще какую-то информацию о Лили. Похоже, детектив Гриффин вовсе не собирается отвязаться от тебя.

Каждое утро мисс Харрис стоит у входной двери школы, пока не прозвенит звонок, но едва завидев нас, она пересекает парковку.

– Доброе утро, Мэйв. А вы, должно быть, Джоан, – говорит она оживленно, протягивая руку.

– Да, – нервно отвечает Джо, и я вспоминаю, что ей всего двадцать четыре. Это для меня она взрослая, но для кого-то вроде мисс Харрис она должна казаться почти таким же ребенком, как и я. – Родители Мэйв – э-мм, то есть наши родители – сейчас уехали в отпуск. Я хотела бы поговорить о Лили О'Каллахан и о роли Мэйв во всем этом.

Мисс Харрис кивает.

– Да, неплохая идея. Мэйв, я как раз собиралась поговорить с тобой перед занятиями. Пройдете со мной?

В кабинете мисс Харрис Джо держится великолепно. С очень строгим и уверенным видом она сообщает мисс Харрис, что я не имею ничего общего с исчезновением Лили, и что шестнадцатилетнюю девочку нельзя вовлекать ни во что серьезное. Потом она говорит всякие неловкие вещи, вроде того, что я «не такая стойкая, как кажусь» – предположение, которое расстраивает меня, потому что на него невозможно правильно отреагировать. Я же не могу сказать: «Нет, я стойкая!», потому что покажусь грубой и капризной, но и не могу сказать: «Да, ты права, я бесхребетная, продолжай...»

– Вполне согласна, – кивает мисс Харрис. – Мне кажется, что для блага Мэйв и всех девочек лучше свести к минимуму ее участие в этом. Я давно преподаю в школах для девочек и понимаю, насколько трудно будет потом отстраниться от подобной истории. Как только начинаются слухи и сплетни, они часто перерастают в манию. Проявляют все самое худшее в людях. Насколько я понимаю, ходят слухи, что Мэйв... «ведьма»?

Я покрываюсь краской.

– Да, – отвечаю я. – Ну, то есть нет, я не такая, но так они говорили вчера.

– И то, что ты гадала на картах Таро для других девочек на переменах?

– Ну... да. Но без вреда для них. Спросите любую. Это было такое развлечение.

Для них. Было развлечение *для них*.

– В любом случае я решила, что с этих пор объявлен официальный запрет на карты Таро, и в более широком смысле на все... «оккультное» и тому подобное. Так что никаких карт, никаких досок Уиджа, никаких благовоний. И шафрана.

С этими словами мисс Харрис достает коробку из-под обуви с разными вещами, которые я хранила в Душегубке. Все, что купила в «Прорицании», все, что тщательно расставила, чтобы превратить кладовку в свою собственную маленькую магическую лавку – все это превратилось в мусор, сваленный в коробку.

Никогда я еще не ощущала себя настолько ребенком.

– Карты у тебя с собой, Мэйв?

– Э-мм, да. В сумке.

– Можешь их вынуть?

Я расстегиваю сумку и вынимаю карты. Их холодная тяжесть до сих пор кажется успокаивающей и надежной, несмотря на все беды, которые они сотворили.

– Передай мне карты, Мэйв.

– Что? Зачем?

– Они запрещены в школе. И я беспокоюсь, что некоторые девочки будут просить тебя погадать за пределами школы.

– Нет, я не согласна, – протестую я.

– Ты не можешь отказаться, – говорит Харрис холодным тоном.

Как будто она знает, насколько легко меня уговорить на что угодно, если я решу, что в результате понравлюсь людям.

– Я не хочу оставлять тебе ни малейшей возможности.

Я вижу, что Джо готова вступить за меня, но что мысленно она поддерживает мисс Харрис.

У меня такое чувство, будто меня предали.

– Пожалуйста, мисс, – умоляю я. – Они мои.

– Вообще-то они не твои. Ты нашла их в кладовке в подвале. Это собственность школы, и, честно говоря, Мэйв, я бы сделала тебе выговор за поведение за то, что ты воспользовалась кладовкой без разрешения. Ты специально не вернула мне ключ. Верни его, пожалуйста, сейчас.

Мы с мисс Харрис никогда не были в особенно хороших отношениях, но в глубине души я всегда думала, что нравлюсь ей. Или, по меньшей мере, она верит, что в принципе я хорошая. Но сейчас она говорит со мной не так, как если бы просто решила меня пожурить за незначительный проступок, а как если бы я была преступницей.

Я вынимаю ключ из пенала и передаю ей без слов. Мисс Харрис открывает нижний ящик своего стола, кладет карты в него и запирает ящик маленьким ключом.

– А теперь, насколько я помню, у тебя география, не так ли? Можешь идти на урок, если тебе больше нечего сказать.

Джо слегка улыбается мне, словно говоря: «Я сделала все, что могла» – и поднимается.

– Позже вернусь домой. Напиши сообщение, если тебя нужно будет забрать с автобусной остановки.

Я не хочу показывать мисс Харрис, что она победила, поэтому горделиво выхожу из кабинета, как будто мне больше нет никакого дела до нашего разговора, и перебрасываю сумку через плечо. И сразу по весу ощущаю отсутствие карт. Как будто моя связь с землей стала очень хрупкой. Как будто я могу улететь и исчезнуть подобно Лили.

Перед тем как выйти, я снова поворачиваюсь к мисс Харрис.

– Мисс, – обращаюсь я к ней, и вдруг меня охватывает робость. – А родители Лили спрашивали обо мне? Потому что, знаете, мне бы хотелось поговорить с ними, как я говорила с полицейскими.

– О да, – отвечает мисс Харрис. – Им было... что сказать. Я бы на твоём месте не беспокоилась, Мэйв. Они передали им всю необходимую информацию. Мне кажется, будет лучше, если ты пока не будешь тревожить О'Каллаханов.

Перед моим мысленным взором всплывает лицо Ро, и мой пульс учащается. Носит ли он до сих пор мой розовый кварц под своей одеждой? Я представляю, как камень соприкасается с его кожей, и чувствую, как кровь приливает к шее.

Бедный Ро. Бедные мистер и миссис О'Каллахан. Я представляю, какое было лицо у миссис О'Каллахан, когда она увидела пустую кровать Лили. Как стучит в дверь ванной, как ее замешательство перерастает в панику. В чистый животный страх, когда она понимает, что ее дочь пропала.

Уроки кажутся мне настоящим кошмаром. Я боялась, что после вчерашней «ведьмы» другие ученицы будут держаться от меня подальше, боясь, что они тоже пропадут посреди ночи. Но реальность гораздо хуже. Девочки не отступают от меня, но хотят говорить только о Лили, о колдовстве, о Таро. Передают друг другу слухи о проклятии. Слухи о том, что мисс Харрис нашла в Душегубке куклу вуду Лили О'Каллахан. И еще о том, что Лили вовсе не пропала, а умерла. Что она покончила с собой, после того как я издевалась над ней в пятницу.

Они собираются вокруг меня в обеденную перемену, пытаюсь выудить из меня какие-то подробности. Как бы я ни расстраивалась, что мои карты конфисковали, мне кажется, теперь я понимаю, почему мисс Харрис так поступила.

– Мэйв, я так беспокоилась о тебе, – говорит Нив, хватая меня за потрепанный рукав школьного джемпера. – Говорят, ты издевалась над Лили, но я сказала, что все это чушь. Вы же были подругами, правда? Ну, то есть в начальной школе?

Почему Нив делает вид, что она совершенно непричастна к тому, что мы с Лили перестали дружить? Как она может так смотреть на меня, невинным взором, даже со слезами сочувствия на глазах, как будто она совсем тут ни при чем?

– Все так грустно, – продолжает она. – Я так волновалась о Лили, что даже не могла уснуть ночью.

Я вдруг не могу больше это терпеть. Не могу просто так сидеть и смотреть, как Нив притворяется, что плачет, потому что ее, видите ли, волнует судьба девочки, которую она презирала с самого первого дня.

– Нив, ты что, *совсем рехнулась*?

О боже, я теперь кричу. Почему я кричу?

– Тебе было совершенно наплевать на Лили. Вообще-то именно из-за тебя я делала вид, что мне тоже наплевать на нее, а ведь она была моей лучшей подругой. И теперь ты притворяешься, что ужасно беспокоишься из-за нее?

Нив моргает, глаза ее еще больше наполняются слезами, и слезы даже скатываются по ее красивому личику.

– Почему ты кричишь на меня? Я же на *твоей* стороне.

– Нет никаких сторон! Я ничего не делала.

Молчание. Все до одной мои одноклассницы пристально смотрят на меня.

– Верно, – произносит Нив успокаивающим тоном. – Ты *ничего* не делала, Мэйв.

В конце дня я замечаю, что кто-то нацарапал на моей сумке слово «ВЕДЬМА» несмыслаемыми чернилами. Я делаю вид, что не замечаю. Не хочу доставлять кому-то удовольствие, показывая, как мне это неприятно.

И только в автобусе по пути домой я понимаю, что если меня и хотели поначалу обозвать ведьмой, то потом передумали. Буква W в слове «WITCH» перечеркнута, и над ней уверенной рукой выведена буква «В». «WITCH» – «сука».

12

На следующее утро первый урок у меня – математика. Математика всегда была моим худшим предметом, и ситуация усугублялась тем, что это наше общее занятие с Лили.

Или было общим.

Как только я захожу в класс, воздух как бы наполняется электричеством. Все тут же замолкают. Обычно, если о ком-то говорят в его отсутствие, то, когда он входит в помещение, все быстро переключаются на другую тему и, например, начинают с фальшивой озабоченностью говорить о том, что делала их собака прошлым вечером. Но сейчас не так. Так молчат, когда хотят, чтобы это молчание заметили. Гробовая тишина, дающая понять, что о тебе говорили, и все хотят, чтобы ты знала об этом.

Я с трудом иду по классу, глядя прямо перед собой. Я не позволяю себе моргнуть из страха, что из глаз выскользнет предательская слеза и покатится по щеке. Показывая мой страх. Доказывая мою вину.

Просто сядь на свое место, Мэйв. Сядь на свое место.

Но я не могу сесть на свое место. За моей партой в заднем ряду между Мишель и Нив сидит Ифи О'Коннор. Никто из них не смотрит на меня.

Я ничего не скажу. Не буду пререкаться с ними. Не буду *умолять* их быть подругами.

Я осматриваюсь в поисках другого места. *Ладно, сяду на старое место Ифи.* Но на старом месте Ифи уже кто-то сидит. Меня охватывает ужас, и пульс колотится так, что мне кажется, что мои глаза сейчас вылезут из орбит. Я продолжаю оглядываться. Должны же быть по меньшей мере два свободных места, если Лили отсутствует, а я стою. Но осталось только одно. Наверное, они вытащили парту со стулом в коридор, чтобы настоять на своем. Такой вот сволочный поступок, который возможен только в школе для девочек подобного типа. Мне остается только сесть на единственное свободное место.

На прошлой неделе за этой партой сидела Лили О'Каллахан. Пока я медленно плетусь по классу и сажусь за старую парту Лили в переднем ряду, я чувствую, как все глаза направлены на меня. Меня заливают жаром, как будто на меня направили ослепительный прожектор.

На старой деревянной поверхности, среди выцарапанных сердечек, костей и буквы «С» как в слове «Супермен» кто-то старательно вывел новое слово:

С – ПОДРУГА.

В следующие несколько дней я узнаю, что именно во всей истории мои одноклассницы обсуждают чаще всего. Не то, что Лили пропала. Не карты Таро. А тот факт, что Лили была моей лучшей подругой, что я бросила ее и затем начала изводить, при всех пожелала ей исчезнуть, и теперь – судя по имеющимся фактам – та либо покончила с собой, либо сбежала так далеко от города, что наверняка погибла.

Понятно, что никто напрямую мне об этом не говорит. Но я ловлю обрывки разговоров, проходя мимо девочек в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.